

Корни Насильственного Экстремизма и Радикализации в Азербайджане и Грузии

ЦЕНТР БЕЗОПАСНОСТИ И РАЗВИТИЯ ГРУЗИИ

October 2018

- После обретения независимости в 1991/1992 годах, Азербайджан столкнулся с рядом основных проблем, которые все еще преследуют молодую республику. Даже после почти 30 лет существования, Азербайджан по-прежнему борется с некоторыми серьезными проблемами. В ходе опроса Caucasus Barometer (Кавказский Барометр), проведенного в Азербайджане с 2008 по 2013 год, были выявлены некоторые важные проблемы, с которыми сталкивается страна. Согласно исследованию, для значительного большинства азербайджанцев карабахский конфликт или неразрешенные территориальные конфликты представляют собой самую большую проблему.
- Память о конфликтах Грузии достаточно тяжелая, основанная на политическом прошлом. Первое десятилетие независимости Грузии после распада Советского Союза можно было оценить как период извержения «романтического и мессианского национализма». Политические взгляды, отличающиеся от идей правящей элиты, не допускались и часто встречались с радикальное сопротивление. Эта реальность стала определяющей для самых драматических частей грузинской истории, а именно гражданской войны в начале 90-х годов.
- Основными задачами исследования являются изучение и анализ основных удерживающих и отталкивающих факторов участия граждан указанных стран в деятельности различных экстремистских организаций, изучение стратегических документов, лежащих в основе программ борьбы с насильственным экстремизмом в странах, и изучение контр-экстремистской деятельности правительств Азербайджана и Грузии.

Содержание	
Резюме	3
Глоссарий.....	4
Безопасность в Азербайджане: как бороться с насильственным экстремизмом и радикализацией в стране	6
Введение	6
1. Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации в Азербайджане	8
1.1 Нарастающие социально-экономические проблемы	8
1.2 Религиозный экстремизм: иностранное влияние или рост внутреннего радикализма?.....	10
1.3 Карабахский конфликт: опасности еще нет	14
2. Анализ политики борьбы с экстремизмом.....	15
2.1. Государственный подход к противодействию насильственному экстремизму	15
2.2. Действия правительства Азербайджана по борьбе с экстремизмом	16
3. Заключение и рекомендации для правительства Азербайджана	18
Анализ условий безопасности Грузии в отношении радикализации и насильственного экстремизма.....	20
4. Проблема радикализации. Основанной на идеологическом и религиозном фоне.....	21
4.1. Общий обзор	21
4.2. Внешние факторы, способствующие насильственному экстремизму	21
4.3. Внутренние факторы, способствующие насильственному экстремизму	23
4.4. Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации в Грузии	25
5. Проблема радикализации на этническом и политическом фоне	27
5.1. Политические факторы	27
5.2. Информационные факторы	27
6. Политика правительства Грузии по борьбе с экстремизмом	28
7. Заключение и рекомендации для правительства Грузии	31
Список используемой литературы	33

Резюме

В этом отчете представлен анализ результатов качественных исследований основных вызовов политики Азербайджана и Грузии по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией. В случае с Азербайджаном было проведено кабинетное исследование для выявления коренных причин насильственного экстремизма, в то время как исследования, проведенные в Грузии, охватывали следующие регионы: Кахетия, Квемо Картли и Автономная Республика Аджария.

В документе рассматривается участие граждан Азербайджана и Грузии в международных террористических группах, действующих на территории иностранных государств, а также рассматриваются другие проявления радикализации и насильственного экстремизма, в том числе деятельность правых и ультранационалистических групп.

Основными задачами исследования являются изучение и анализ основных удерживающих и отталкивающих факторов участия граждан указанных стран в деятельности различных экстремистских организаций, изучение стратегических документов, лежащих в основе программ борьбы с насильственным экстремизмом в странах, и изучение контр-экстремистской деятельности правительств Азербайджана и Грузии.

Подводя итог основным выводам документа, касающегося Азербайджана - бедность и безработица, а также деятельности внешних религиозных и экстремистских групп, выступают в качестве основных удерживающих и отталкивающих факторов толчка к насильственному экстремизму и радикализации. Текущий анализ показывает, что насильственный экстремизм и радикализация представляют большую опасность для Азербайджана, чем международные террористические организации. Однако правительство пытается связать рост радикализации в Азербайджане

с иностранным влиянием. Между тем, анализ основных удерживающих и отталкивающих факторов радикализации показывает, что в какой-то момент объяснение быстро меняющейся радикализации можно найти в теории относительной депривации.

Когда дело доходит до Грузии, исследование показывает, что проблему насильственного экстремизма и радикализации следует изучать через призму синергии внешних и внутренних факторов. Этот синергетический эффект создает благодатную почву для основных удерживающих и отталкивающих факторов радикализации в стране, особенно чувство разочарования, ограниченные экономические возможности, низкий доступ к качественному образованию и отчуждение от политических процессов.

Как и в случае с правительством Азербайджана, правительству Грузии следует разработать всеобъемлющую стратегию противодействия коренным причинам радикализации в стране. Действия, предпринимаемые властями, не должны быть фрагментированы и ориентированы на решение конкретных проблем.

На основе результатов исследований в документе представлены конкретные рекомендации правительствам Азербайджана и Грузии в поддержку создания комплексного и системного подхода к проблеме насильственного экстремизма и радикализации с уделением особого внимания разработке ориентированного на общины подхода к борьбе с насильственным экстремизмом.

Глоссарий

Насильственный Экстремизм – “экстремальные политические или религиозные взгляды, часто выступающие за незаконные, насильственные или другие формы экстремального поведения.”¹

Радикализация – “процесс, посредством которого индивидуум становится все более экстремистским в своей политической, религиозной или социальной идеологии.”²

Домашний насильственный экстремист – “гражданин или долгосрочный житель западной страны, который отверг западные культурные ценности, убеждения и нормы в пользу насильственной экстремистской идеологии. Прирожденный насильственный экстремист намерен совершить терроризм внутри западных стран или против их интересов.”³

Отталкивающие факторы насильственного экстремизма и радикализации – “условия личности или их его собственной жизненной ситуации, которая отталкивает его от основного общества и вызывает большую восприимчивость к насильственному экстремизму и радикализации.”⁴

Удерживающие факторы насильственного экстремизма и радикализации – “факторы, которые побуждают людей к принятию насильственного экстремизма и радикализации с положительными стимулами.”⁵

Борьба с экстремизмом и радикализацией – “деятельность и стратегии, осуществляемые правительством, правоохранительными органами, неправительственными орга-

низациями и другими лицами, чтобы бросить вызов и противостоять насильственной экстремистской идеологии и процессам радикализации насилия.”⁶

Превенция Насильственного Экстремизма и Радикализации – “использование непри- нуждающих средств, которые направлены на устранение стимулов и / или коренных причин насильственного экстремизма и радикализации.”⁷

Подход к насильственному экстремизму и радикализации ориентированный на общины – “борьба с экстремистскими экстремизмами и инициативами радикализации, политика и меры, которые осуществляются на основе местных инициатив, совместных действий, адаптированных к местным условиям, для повышения эффективности.”⁸

Исламский Экстремизм – “идеология, которая выступает за реорганизацию общества вокруг фундаменталистских исламских принципов, противостоящих терпимости, разнообразию мысли и индивидуальной свободе.”⁹

Исламизм – “убеждение в необходимости установления политического порядка, организованного вокруг шариата (исламское право). Исламисты могут выступать за создание общества, базирующегося на шариате, посредством насильственных или ненасильственных способов.”¹⁰

Салафизм – “фундаменталистское исламское движение, которое стремится практиковать суннитский ислам, как это практикуется Мухаммадом и его ближайшими учениками.”¹¹

Ваххабизм – “секта ислама, возникшая в Саудовской Аравии в начале 18 века. Ваххабизм диктует буквальное толкование Корана и вводит понятие такфира, в соответствии с которым некоторые мусульмане могут быть

1. Проект по борьбе с экстремизмом, <https://www.counterextremism.com/glossary> (доступен 28 июля, 2018).

2. Смотрите примечание 1 выше.

3. Рабочая группа IACP по борьбе с терроризмом, борьбе с насилем в экстремизме (CVE) http://www.theiacp.org/portals/0/pdfs/IACP-COT_CommonLexicon_Eng_FINALAug12.pdf (доступен 28 июля, 2018)

4. Луиза Таррас-Уолберг, «Обещания рая? Исследование по официальной пропаганде ИГИЛ, направленной на женщин» (магистерская работа, Шведский университет обороны, 2016 год), <http://fhs.diva-portal.org/smash/get/diva2:942997/FULLTEXT01.pdf>, 13

5. Смотрите примечание 4 выше.

6. Смотрите примечание 1 выше.

7. Смотрите примечание 3 выше.

8. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, предотвращение терроризма и противодействие насильственному экстремизму и радикализации, которые приводят к терроризму: подход к полицейской деятельности в общинах, <https://www.osce.org/atu/111438?download=true> (доступно 28 июля, 2018).

9. Смотрите примечание 1 выше.

10. Смотрите примечание 1 выше.

11. Смотрите примечание 1 выше.

классифицированы как кафиры (неверующие) и тем самым подлежат казни."¹²

Исламская Умма – “по словам Уммы, единственная группа, которая разделяет общие религиозные убеждения, в частности те, которые являются объектами божественного плана спасения. Арабское слово «Умма» относится к более широкой мусульманской общине. В контексте панисламизма и политики слово может быть использовано как понятие содружества верующих.”¹³

Исламская Эсхатология – ветвь исламского богословия в отношении конца света и «Судного Дня».

11. Смотрите примечание 1 выше.

12. Европарламент, радикализация и насильственный экстремизм - сосредоточение внимания на женщинах: как женщины становятся радикальными, и как дать им возможность предотвратить радикализацию, [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596838/IPOL_STU\(2017\)596838_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596838/IPOL_STU(2017)596838_EN.pdf), (доступно 28 июля, 2018).

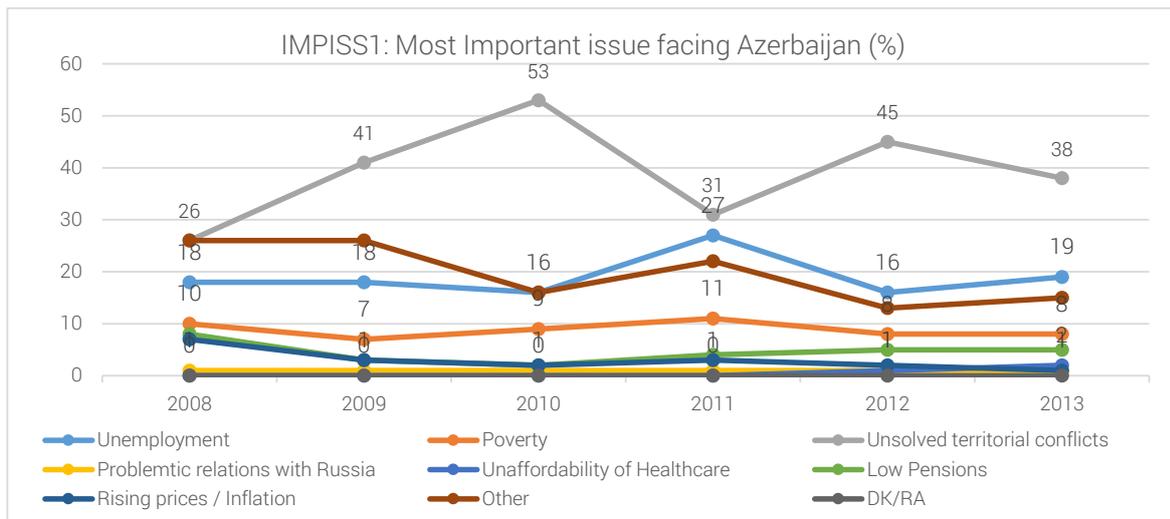
Безопасность в Азербайджане: как бороться с насильственным экстремизмом и радикализацией в стране

Введение

После обретения независимости в 1991/1992 годах, Азербайджан столкнулся с рядом основных проблем, которые все еще преследуют молодую республику. Даже после почти 30 лет существования, Азербайджан по-прежнему борется с некоторыми серьезными проблемами. Следует отметить, что во многих случаях восприятие основных угроз и вызовов может различаться между элитой и обычным населением. В ходе опроса Caucasus Barometer (Кавказский Барометр), проведенного в Азербайджане с 2008 по 2013 год, были выявлены некоторые важные проблемы, с которыми сталкивается страна.¹⁴ Согласно исследованию, для значительного большинства азербайджанцев карабахский конфликт или неразрешенные территориальные конфликты представляют собой самую большую проблему. Вторая проблема - нищета и безработица, в то время как меньшинство ссылается на другие. Однако, с точки зрения правительства, внешние радикальные группы и самодостаточный экстремизм являются самой большой го-

ловной болью для общества.

Основным отталкивающим фактором, упомянутым в ходе таких обследований, приводящих людей к радикализации, является возможное ухудшение экономической ситуации, что может привести к росту нищеты и безработицы, тем самым делая усилия правительства неустойчивыми. У Азербайджана была широкая и диверсифицированная экономическая база до распада Советского Союза в 1991 году. Тем не менее, значительная часть ее промышленности зависела от импорта из других советских республик, и основная часть ее экспорта производилась исключительно для потребителей внутри СССР. Распад Советского Союза и начало карабахского конфликта усугубили экономические связи Азербайджана с другими республиками. Впоследствии, промышленный сектор страны и другие сектора экономики рухнули. В 1995 году реальный ВВП Азербайджана составил лишь 37% от уровня 1989 года, тогда как средний уровень Содружества Независимых Государств (СНГ) составил 58% от указанного года. В среднем реальный ВВП Азербайджана снизился на 15% в год с 1992 по 1996 год.¹⁵ Этот стремительный спад экономики оказал катастрофическое влияние на занятость.

14. Кавказские исследовательские ресурсы центры, кавказский барометр: 2008-2013 гг., <http://caucasusbarometer.org/en/cb-az/IMPIS1/> (доступно 20 июля, 2018).

Многие рабочие места стали непригодными, и массовые увольнения произошли из-за деиндустриализации. В то же время крах системы социальной защиты обнищал большую группу населения. Закрытие многих предприятий, преобразование промышленности, экономическая реструктуризация и меняющийся характер занятости оставили сотрудников без социальной защиты и лишили их общих выгод. Несмотря на значительное улучшение социальной ситуации в период с 2008 по 2014 год, две девальвации и низкая цена на нефть по-прежнему влияли на экономические условия людей.

Наряду с упомянутыми отталкивающими факторами, влияние радикальных групп выступает в качестве одного из важных факторов тягот, подталкивающих людей, особенно молодежь, к насильственному экстремизму и радикализации. Падение Советского Союза и крах коммунистической идеологии сыграли значительную роль в трансформации азербайджанского общества. Страна медленно оправляется от семидесятилетнего тоталитарного режима и начинает пользоваться преимуществами демократии. Однако трансформация имела свои побочные эффекты. Благодаря благоприятному географическому положению страны - между Ираном и Турцией, а также границе с неустойчивым Северным Кавказом, а также слабым правоохранительным органам и пробелам в законодательстве в начале 90-х годов, Азербайджан столкнулся с проблемами со стороны религиозных миссионеров и благотворительных организаций Турции, Ирана, арабского мира и Северного Кавказа, которые пришли в страну, чтобы распространить свои идеологии. Некоторые

предположительно были связаны с боевыми организациями. Несколько радикальных групп начали набирать обороты во многих регионах Азербайджана и, таким образом, угрожали светской государственности республики. Объявленная в 2001 году война с террором оказала значительное влияние на борьбу Азербайджана с ее радикалами. Если в начале 1990-х годов государство было относительно слабым и не могло эффективно противостоять действиям некоторых экстремистских групп, после терактов 11 сентября и вступления в антитеррористическую коалицию страна стала более эффективной в отношении использования жесткой власти против экстремистов, т.е. арест, вынесение приговора и депортация.

И последнее, но не менее важное: карабахский конфликт можно назвать квази-фактором радикализации в Азербайджане. Его вряд ли можно расценивать как фактор толчка с тем же влиянием, что и ослабленная социально-экономическая среда. Однако, поскольку конфликт продолжает преследовать азербайджанское общество, он может стать целым фактором в ближайшем будущем. Военные столкновения апреля 2016 года на Севере и Юге Карабаха показали, что азербайджанское общество становится более боевым и реваншистским в урегулировании карабахского конфликта и теряя надежду на мирное восстановление территорий. влияет на восприятие угрозы в обществе и повышает ожидания и давление на правительство, чтобы действовать смело и решительно. Например, только за последние пару лет Азербайджан импортировал около 3,35 млрд. долл. США на вооружение, 80% из которых поступает из России, в том числе две ракетные системы С-300, 94 танка Т-90С, 20 вертолетов Ми-35М и 100 БМП-3. Азербайджан также купил 25 самолетов Су-25 и 93 танка Т-72М1 из Беларуси, союзника России.

15. Всемирный банк. Doing Business 2009: Профиль страны для Азербайджана. 2008. <http://documents.worldbank.org/curated/en/229201468209666695/pdf/457020WP0Box331091AZE-0Sept029102008.pdf> (доступно 20 июня, 2018); Группа Всемирного банка по сокращению бедности и экономическому управлению. Азербайджан - Экономический меморандум страны: новый шелковый путь - диверсификация с участием экспортеров, отчет № 44365-AZ (2009). <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3154/443650ES-WOAZ0P1IC0Disclosed01161101.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (доступно 20 июня, 2018).

16. Анар Велиев, Закон о балансировании Азербайджана в условиях кризиса в Украине, Меморандум о политике Евразии ПОНАРС № 352 (2014), <http://www.ponarseurasia.org/memo/azerbajjans-balancing-act-ukraine-crisis> (доступно 20 июня, 2018), 20, 2018).

1. Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации в Азербайджане

Как отмечалось в предыдущей главе, в Азербайджане можно выделить два основных удерживающих и отталкивающих факторов насильственного экстремизма и радикализации: нищета и безработица, ведущие к радикализации людей, особенно молодежи, и деятельность внешних религиозных и экстремистских групп в стране. Кроме того, следует отметить карабахский конфликт при рассмотрении детерминант насильственного экстремизма в стране. В этой главе анализируется, как эти факторы влияют на радикализацию общества и влияют на действия правительства.

1.1 Нарастающие социально-экономические проблемы

В течение большей части десятилетия в Азербайджане наблюдался финансовый кризис из-за высоких цен на нефть. Приток позволил Баку тратить деньги на многие ранее игнорированные районы, особенно на региональное развитие. В результате ежегодный темп роста среднемесячной реальной заработной платы в среднем за период с 2003 по 2011 год составил более 14%, а затем упал до одного разряда. С 2011 года правительство Азербайджана также постепенно увеличивает минимальную заработную плату и минимальную пенсию, приближая ее к минимальному прожиточному минимуму за последние несколько лет. Эта государственная политика сыграла значительную роль в сокращении официальной бедности путем вытеснения многих домашних хозяйств пенсионерами из статуса «официально бедных» и смягчения интенсивности бедности.¹⁷

17. Анар Валиев и др. «Социальная защита и социальная интеграция в Азербайджане», Европейская комиссия (2011), https://www.researchgate.net/profile/Anar_Valiyev/publication/281371904_Social_Inclusion_in_Azerbaijan/links/55e425ce08aebabe6e8e909a/Social-Inclusion-in-Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail (доступно 20 июня, 2018).

Однако большинство программ и инициатив в области развития были краткосрочными и не достигали долгосрочных последствий. Учитывая свои значительные ресурсы, Азербайджан прекратил поиски международной помощи в области реструктуризации экономики. Как и во многих странах бывшего Советского Союза, сектор малого бизнеса в Азербайджане не очень развит, поскольку государство уделяет больше внимания развитию крупных корпораций и компаний, которые обычно принадлежат некоторым государственным должностным лицам. Таким образом, правительственные решения очень часто принимаются и реализуются в интересах крупных предприятий, что делает невозможным конкурировать другим компаниям. В начале 2015 года в Азербайджане начались серьезные экономические трудности. После шокирующих девальваций февраля и декабря 2015 года, когда азербайджанский манат обесценился почти на 100 процентов, правительство обратило внимание на усилия, которые могут смягчить кризис и смягчить ситуацию, способствуя более активной деловой активности. Десятки лицензий на предпринимательскую деятельность были устранены, а налоговые и таможенные органы стали более прозрачными. На макроэкономическом уровне правительство создало позицию помощника президента по экономической реформе, которому поручено создать дорожную карту для экономических реформ. Команда начинала с определения приоритетов в секторах экономики Азербайджана, которые они считали лучшими позициями для создания рабочих мест и привлечения инвестиций.

Вышеупомянутая экономическая ситуация в Азербайджане как таковая систематически не приводит к условию возникновения массовых протестов. До сих пор большинство случаев таких протестов были в основном направлены на единичный инцидент, связанный с злоупотреблением властью со стороны какого-либо государственного должностного лица, проблемы несправедливости со стороны частных корпораций и т. д. С 2012 года в

различных частях Азербайджана произошло полдюжины протестов и большинство из них связаны с злоупотреблениями власти, которые ухудшили экономическую ситуацию для местного населения. В этих случаях люди протестовали против низкой компенсации за снесенные дома, отсутствия электричества или проточной воды, увеличения арендной платы на рынках и т. д. Самый серьезный социальный протест произошел в городах Губа и Исмаилли. Такие демонстрации могут оказать эффект многократного увеличения в сочетании с другими нарушениями или несправедливостями со стороны правительства.

Ухудшение экономики может быть использовано конкретными группами, которые монополизировали какую-то социальную проблему и используют ее для своих целей. Примером этого служит случай социальных беспорядков в деревне Нардаран. Летом 2002 года жители деревни Нардаран, расположенной в 35 км к северу от Баку, вышли на улицы, скандируя религиозные призывы и протестуя в сложных социально-экономических условиях. Они изгнали органы местного самоуправления и подготовились к конфронтации. 3 июня 2002 года, после тупика, полицейские и правоохранительные органы штурмовали деревню, убив одного и ранив более 30 человек. Поскольку поселение известно в стране своими сильными религиозными убеждениями, правительству было легко рассматривать события как борьбу с международным исламским экстремизмом. Несмотря на заявления международных и местных экспертов о том, что угроза исламского фундаментализма для Азербайджана минимальна, события показали, что угроза доморощенного религиозного радикализма была фактически недооценена.¹⁸ Углубленный анализ событий дал понять, что религиозная риторика и лозунги охватывают некоторые проблемы, связанные с социально-

экономической ситуацией. Большинство населения Нардарана является безработным и не имеет базового образования. Более того, иранская мягкая сила очень сильна в регионе и имеет мультипликативный эффект. Эти два условия сделали местное население уязвимым для участия в религиозной деятельности, что привело к насилию. Более того, некоторые случаи широко распространенного недовольства правительственной политикой в сочетании с социальными и религиозными элементами. В декабре 2011 года Министерство образования запретило носить хиджабы в государственных школах. Сразу же, начались протесты против неофициального запрета на ношение хиджаба в государственных школах, в священный день Шиитов - Ашура, около 1000 религиозных активистов вышли, выкрикивая: «Хиджаб - наша честь» и «Свобода для хиджаба», и стали блокировать дороги за пределами министерства образования почти в течение часа. 15 протестующих были арестованы, 7 из которых были приговорены к тюремному заключению на срок до 10 суток. Не смотря на то, что запрет на хиджаб затрагивал как шиитские, так и суннитские общины (в том числе салафитов), именно шииты выступали против этого решения и технически монополизировали этот вопрос, используя его для своих выгод. Для некоторых правительственных экспертов кампанию по снятию запрета на ношение хиджаба в школах, начатую после этого, - собравшую десятки тысяч подписей, - можно рассматривать как пример растущего влияния исламизма в стране. Политическая элита рассматривала такие протесты как признак экстремизма, поскольку протестующие показывали признаки насилия во время собрания. Можно сделать вывод, что из-за слабых социально-экономических условий часть азербайджанского общества уязвима против угроз насильственного экстремизма и радикализации. При определенных обстоятельствах - как растущее влияние иностранных экстремистских групп (подробно обсуждается ниже) - это может негативно повлиять на государственную безопасность.

18. Ариф Юнусов, Исламская палитра Азербайджана (Баку: Адилголи, 2012).

1.2 Религиозный экстремизм: иностранное влияние или рост внутреннего радикализма?

Как только Азербайджан обрел независимость от Советского Союза, он стал наиболее подходящей целью для различных религиозных потоков. Как обсуждалось во введении, по определенным причинам Азербайджан стал объектом религиозных и радикальных движений, борющихся за влияние. Миссионеры и благотворительные организации из Турции, Ирана, арабского мира и Северного Кавказа приехали в страну, чтобы распространять свои идеологии, некоторые из которых якобы были связаны с боевыми организациями. Сегодня перед Азербайджаном можно выделить две основные проблемы религиозного экстремизма. Первым можно было назвать номинально иранское влияние в Азербайджане. Тегеран постоянно пропагандировал исламские ценности и идеи исламской государственности в республике. Для этой цели власти Ирана потратили миллионы долларов. Тем не менее, попытки Тегерана оказались недостаточно успешными из-за эффективной антирелигиозной политики, установленной в Советском Союзе. Неспособность Ирана создать активную массовую политическую партию для влияния на общественную жизнь в Азербайджане заставила свои правительственные учреждения в основном полагаться на радикальные подпольные организации. Уже в 1993 году многие иранские гуманитарные учреждения и организации начали свою деятельность в Азербайджане, особенно в лагерях беженцев, охваченных бедностью. Наряду с предоставлением гуманитарной помощи и религиозной литературы, иранские агентства вербовали азербайджанскую молодежь для обучения в религиозных школах Ирана.¹⁹ Начиная с 1995 года, правоохранительные органы Азербайджана представили несколько групп и арестовали некоторых людей, связанных с Ираном. Неоднократные попытки

спецслужб Ирана создать сеть радикальных групп в стране, показывают значимость Азербайджана в его планах Южного соседа. Встревоженные активным проникновением западного капитала и влиянием этой небольшой южнокавказской республики, власти Ирана пытаются обеспечить свои северные границы. Решение о создании радикальных групп или камер не обязательно делается с целью проведения немедленных террористических атак. На самом деле иранские спецслужбы вряд ли хотят привлечь внимание правоохранительных органов Азербайджана к деятельности своих агентов. В действительности местные радикальные группировки и/или группы агента призваны активироваться в случае враждебных действий со стороны Азербайджана или решения страны присоединиться к потенциальному нападению США на Иран.²⁰ Исламская партия Азербайджана является одной из организаций, через которую Иран влияет на внутреннюю политику в стране. Партия, которая обычно состоит из маргинальных элементов районов, охваченных бедностью, достаточно активна в своих избирательных округах. Время от времени они проводят митинги, и их лидеры стали довольно популярными. Партия, хотя и не зарегистрирована, сохраняет свое влияние во многих частях Азербайджана, даже когда ее лидеры постоянно находятся под арестом.

Вторая угроза, которая очень часто игнорируется, связана с салафитами и их организациями в Азербайджане. Было опубликовано много статей и новостных сообщений о деятельности салафитов в Азербайджане, но большинство из них, как правило, предвзято и поверхностно. Эта тщательно спланированная кампания по размытию, несмотря на численность и влияние салафитов, на самом деле неуклонно растет в Азербайджане. Идеи салафитов становятся

19. Анар Велиев, «Азербайджан: ислам в постсоветской республике», «Обзор международных отношений на Ближнем Востоке» 9, №. 4 (декабрь 2005 г.): 1-13, <http://www.rubincenter.org/2005/12/valiyev-2005-12-01/>.

20. Анар Велиев, «Иностранные террористические группы и рост коренного радикализма в Азербайджане», HUMSEC Journal 2 (2008): 95-112, https://www.researchgate.net/profile/Anar_Valiyev/publication/52010785_Foreign_Terrorist_Groups_and_Rise_of_Home-grown_Radicalism_in_Azerbaijan/links/09e41513377216e643000000/Foreign-Terrorist-Groups-and-Rise-of-Home-grown-Radicalism-in-Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail.

все более популярными среди молодых поколений Азербайджана в частности. Только в Баку, который является ультра-светской столицей Азербайджана, число салафитов, как сообщается, достигло 15 000 человек.²¹

Первые миссионеры-салафиты прибыли в Азербайджан с севера Кавказа в середине 1990-х годов. Большинство из них приехали из Чечни и Дагестана, где салафиты оказали некоторое влияние, в значительной степени из-за российско-чеченских войн. Некоторое время Салафиты совершили несколько набегов в Чечне и даже смогли создать собственный автономный район в дагестанских деревнях Карамахи и Чобанмахи. Однако салафиты не останавливались в Чечне и Дагестане, а скорее расширили свою деятельность в Азербайджане. Первоначально они не получили широкой поддержки среди азербайджанцев, поскольку национализм и пантюркизм были гораздо более популярны, чем ислаимзм. Более того, сразу после распада СССР азербайджанское общество не было так глубоко обедневшим и разделенным, как сегодня. Кроме того, большинство азербайджанцев придерживается шиитского ислама и, следовательно, мало уважают идеи салафитов. Мусульмане шиитов Азербайджана, как по историческим, так и по культурным причинам, находятся под сильным влиянием Ирана - страны, правительство которой широко считается архистративом салафитов. Учитывая шиитский цвет лица, религиозные сунниты севера Северного Азербайджана составляют основной элемент салафизма в стране. Вторая волна экспансии салафитов началась в 1999 году с начала Второй русско-чеченской войны. Российское военное командование пыталось подтолкнуть чеченских повстанцев, особенно из ориентации салафитов, из Северного Кавказа в соседнюю Грузию и Азербайджан. Таким образом, некоторые из 8 тысяч чеченских беженцев, прибывших в Азербайджан в 1999-2000 годах, подверглись преследованию чеченских салафитов. Между тем, миссионеры из стран

Персидского залива резко активизировали свою деятельность в Азербайджане. К 2003 году в Азербайджане было создано 65 новых мечетей, контролируемых салафитами.²² Одной из крупнейших салафитских мечетей в стране является мечеть Абу Бакр. Имамом мечети Абу Бакра является Гаммет Сулейманов, выпускник Всемирного исламского университета Медины, который является ведущим центром изучения и распространения салафизма.

Есть три существенных фактора, стимулирующих расширение салафизма в Азербайджане. Во-первых, подавляющее большинство коренных салафитов составляют сунниты и этнические меньшинства. Этот избирательный округ рассматривает салафизм как противостояние растущему влиянию Ирана в Азербайджане. Во-вторых, стремительная поляризация и обнищание азербайджанского общества привели к повсеместному разочарованию в традиционных институтах и современных западных демократических идеях. Салафиты умело использовали этот пул глубокого недовольства, часто критикуя правительство, снижение морали и традиций, а также рост преступности в стране. В-третьих, салафиты рекламируют универсалистские качества своей идеологии и тот факт, что она якобы превосходит все исламские секты и традиции. Это особенно привлекательно в Азербайджане, где растет межконфессиональное соперничество между шиитами и суннитами. Эксперты считают, что салафизм в Азербайджане создает несколько серьезных проблем для азербайджанского истеблишмента. Азербайджан - мусульманская страна, где примерно 75% населения составляют шииты, а остальные - сунниты. Десятилетия сосуществования между двумя ветвями ислама в Азербайджане создавали хрупкий баланс, который ни один из главных шиитов и суннитов не хотел бы сломать. Более того, советские репрессии против всех

21. Смотрите примечание 18 выше

22. Джулия Вильгельмсен, «Исламизм в Азербайджане: насколько мощный?» Исследования в области конфликтов и терроризма 32, вып. 8 (2009): 726-742.

ветвей ислама поставили шиитов и суннитов Азербайджана в аналогичные трудности, предоставив им общий опыт. Между тем, после многовекового развития ислама в Азербайджане стал культурой и традицией, а не строгостью. Хотя большинство азербайджанцев усердно называют себя мусульманами, они почти не наблюдают никаких столпов ислама. Местные жители посещают священные места под названием Пирс, а также кладбища «святых», а не мечеть, где они дают деньги и приносят жертвы. Духовенство не препятствует такому поведению, поскольку оно приносит им пользу различными способами, в том числе в финансовом отношении. Однако появление салафитов в стране нарушило этот деликатный баланс. Салафиты сначала начали проповедовать против пирса и святого поклонения, называя такую практику актами, противоречащими исламу. Они не признают официального шиитского духовенства и обвиняют их в том, что они способствуют иранской политике. Более того, они считают шиитов еретиками и призывают к очищению ислама в Азербайджане. Во многих случаях некоторые салафиты применяют насилие, чтобы привлечь внимание или показать своим приверженцам «правильный» путь. Таким образом, в последние пару лет салафиты атаковали пирсов и уничтожали их в нескольких случаях, тем самым зlobствуя среди местного населения. Между тем распространение идей салафитов среди религиозных и этнических меньшинств может создать мощные центробежные силы, которые со временем угрожают национальному единству Азербайджана. Вопреки их пропаганде, салафиты усугубляют сектантскую напряженность в стране. В самом худшем случае серьезное насилие, направленное на мажоритарную шиитскую общину, может спровоцировать некоторую форму иранской интервенции, не в последнюю очередь потому, что иранцы стремятся ограничить влияние салафитов в Азербайджане. Более тревожно, возможно, в то же время, умелое воздействие салафитов и манипулирование некомпетентностью учреждения в сочетании с растущим обнищанием страны могут сде-

лать их мощной политической силой. Это неизбежно приведет к суровому пресечению мер безопасности, что, в свою очередь, может спровоцировать серьезные террористические акты в стране.

В настоящее время лишь небольшая доля салафитов склонна прибегать к насилию и воинственности. Хотя учения салафитов очень часто противоречат шиитской интерпретации Ислама, за которой следуют до 80% населения Азербайджана, большинство салафитов в Азербайджане не поддерживают насилие и не участвуют в преступной деятельности. В Азербайджане салафиты условно можно разделить на две группы: не-боевые салафиты, которые составляют большинство салафитов и радикалов. Действия невооруженных салафитов обычно ограничиваются проповедью, дискуссиями и сосредоточены на мечетях салафитов или харизматических лидерах. Воинствующие салафиты, однако, организуются в радикальные группы и очень часто получают поддержку из-за рубежа. В отличие от классических террористических групп, воинственные салафиты не имеют типичной пирамидальной структуры в своих организациях. Они слабы, слабо связаны и тяготеют к лидеру. Большинство салафитских мечетей, где радикалы могут быть набраны, находятся под строгим контролем со стороны правоохранительных органов. Таким образом, любое создание сильной радикальной организации салафитов предотвращается уже на эмбриональной стадии. Между тем отсутствие средств, обучения и оборудования ограничивает деятельность организаций салафитов. Воинственные салафитские организации имеют более высокие шансы выжить и успешно работать, если они оказывают значительную помощь из-за рубежа. До сих пор воинственные салафиты не беспокоили правоохранительные органы Азербайджана. Обвиняемый в основном стремлениями сражаться в Чечне, воинствующий салафиты не считал азербайджанское секулярное правительство мишенью.²³

23. Смотрите примечание 20 выше

С ростом исламского государства (ИГИЛ) правительству Азербайджана пришлось иметь дело с еще одной внешней угрозой. Многие радикализированные элементы в обществе покинули страну и решили присоединиться к ИГИЛ. К 2018 году более 900 граждан Азербайджана присоединились к рядам террористических групп в Сирии и Ираке.²⁴ Большинство азербайджанцев, которые присоединились к ИГИЛ и другим террористическим группировкам, сделали это через Интернет или через родственников, которые постоянно индоктринировали их из Сирии и призывали эмигрировать в недавно созданный «халифат». Однако местные проповедники-джихадисты были активны не только в социальных медиа - преимущественно на YouTube, но также в чайных и подземных квартирах Сумгаита, Баку и других городов, особенно в северной части Азербайджана. Стоит отметить, что не все из них были бойцами, поскольку упомянутый выше номер также включает членов семьи, жен, детей, а также людей, которые работали в качестве гражданских специалистов, таких как инженеры, врачи и т. Д. Например, согласно некоторым исследовательским работам, число бойцов, присоединившихся к ИГИЛ из Азербайджана, составило более 200 на 2015 год.²⁵

Несмотря на то, что большинство азербайджанских истребителей присоединились к ИГИЛ, многие бойцы также присоединились к аль-Нусре или другим небольшим организациям. Первоначально азербайджанцы находились в Сирии с помощью старых сетей. В то время как в Сирии они в основном вступали в Джаиш аль-Мухаджирин-вал-Ансар, организацию джихада, которая объединяет бойцов из Северного Кавказа и

Центральной Азии и подчиняется Имарату Кавказ. Однако в 2013 году, после появления ИГИЛ и его конфликта с «Аль-Каидой», Джейс также разделился на две части, одна из которых присоединилась к ИГИЛ, а другая оставалась верной «Аль-Каиде» и Имарату Кавказ. Соответственно, азербайджанские истребители также разделились на две воюющие группы. Таким образом, в 2013-2014 годах в Ираке и Сирии действовал азербайджанский батальон, который обещал альянс ИГИЛ, в основном состоящий из людей из Азербайджана и Северного Кавказа. Батальон был почти уничтожен в битвах с войсками Асада. Однако азербайджанские истребители обычно участвовали в военных операциях в различных джихадистских отрядах, не создавая собственных «этнических» подразделений. Например, по сравнению с узбеками, которые образовали батальон Имама Бухари или уйгуры, которые сформировали сирийский филиал Turkistan Islamic Party Исламской партии Туркестана, азербайджанские джихадисты никогда не создавали или не управляли большой и организованной военной группой.

Несмотря на то, что большое число граждан Азербайджана присоединилось к террористическим группам, этот показатель по-прежнему остается небольшим по сравнению с Россией или странами Центральной Азии, такими как Таджикистан и Казахстан. Причина этого заключается в том, что большинство азербайджанцев - шииты, и поэтому их идеология несовместима с идеей ИГИЛ. Более того, бойцы были значительно разбросаны и идеологически разделены. Помимо этого, Азербайджан не отвечает интересам ИГИЛ по нескольким причинам. Во-первых, шииты и секулярный характер азербайджанцев затрудняют набор местных жителей в ИГИЛ. Во-вторых, активная работа правоохранительных органов, а также участие семьи затрудняют работу вербовщиков ИГИЛ. Наконец, Азербайджан не отвечает интересам ИГИЛ как вербовки, а скорее как транзитная территория для привлечения новобранцев из Северного Кавказа, Татарстана и других

24. «Около 900 граждан Азербайджана присоединились к ИГИЛ в Сирии и Ираке». APA News, 2017. <http://en.apa.az/azerbaijani-news/developments/sss-chief-about-900-azerbaijani-citizens-joined-terrorist-groups-in-syria-and-iraq.html>.

25. Эфраим Бенмелех и Эстебан Ф. Клар, «Объясняет поток иностранных бойцов ИГИЛ? (Эванстон, Иллинойс: Школа менеджмента Келлога, Северо-западный университет, 2016 год), 16. https://www.kellogg.northwestern.edu/faculty/benmelech/html/BenmelechPapers/ISIS_April_13_2016_Effi_final.pdf.

мусульманских республик России. Таким образом, ИСИС попытался не совершить какую-либо преступную деятельность или провести какую-либо вербовку в Азербайджане, поскольку это угрожает транзиту через Азербайджан.

1.3 Карабахский конфликт: опасности еще нет

Карабахский конфликт по-прежнему остается главной внешней угрозой для азербайджанского общества и создания. События апреля 2016 года показали, что конфликт не только далек от урегулирования, но и может превратиться в полномасштабную войну. Конфликт можно рассматривать как меч Дамокла, висящий над публикой в Азербайджане, что делает их восприимчивыми к манипуляциям. Правительство и общество находятся в порочном кругу «без мира, без войны», в то время как этот «замороженный» конфликт истощает экономические ресурсы и политические энергии из их уже слабого и обедневшего общества. Конфликт также подрывает путь стран Южного Кавказа к евроатлантической интеграции и снижает их шансы стать частью Европы. Конфликт будет оказывать крайне негативное воздействие на будущее страны с точки зрения как демократического, так и экономического развития. Годы западного освобождения от проблем региона создали вакуум, в который встала все более агрессивная Россия. Вместо того, чтобы искать мирное разрешение конфликта, Москва увидела возможность использовать конфликт, чтобы поддержать продажи оружия и вмешаться в повестки дня внешней политики соответствующих стран. К 2016 году ни Соединенные Штаты, ни ЕС не имели такой же степени рычага влияния в регионе, как Россия. Фактически, участие российского истеблишмента увеличило шансы стран на войну.

Помимо внешней угрозы, конфликт и его давление на Азербайджан делают правительство очень чувствительным к воп-

росам безопасности. Ограниченный успех азербайджанской армии в Карабахе в период эскалации в апреле 2016 года заставил людей поверить, что военное решение может быть единственным выбором, и дальнейшая милитаризация оправдана. Более того, присутствие более миллиона беженцев из Карабаха и окружающих оккупированных территорий еще больше подталкивает создание к милитаризации. Азербайджан постоянно увеличивает расходы на закупки вооружений и вооружений. Например, благодаря непредвиденной нефтяной прибыли военные расходы увеличились с 135 млн. долл. США в 2003 году до почти 3 млрд. долл. США в 2011 году и удерживались на уровне 1,5 млрд. Долл. США.²⁶ Эти ресурсы могли бы быть в противном случае направлены на укрепление институционального потенциала, образование, социальное обеспечение, экономические реформы и инфраструктурные проекты, выделяемые на нужды внутренне перемещенных лиц, и таким образом смягчить влияние основного толкового фактора радикализации в Азербайджане, социально-экономическое обнищание общества. Следует отметить, что ВПЛ остаются одной из наиболее уязвимых групп общества. Несмотря на определенные выгоды от правительства, такие как бесплатное образование и бесплатное жилье, многие ВПЛ все еще находятся за чертой бедности. Ухудшение их экономических условий может негативно сказаться на обществе еще больше, так как после их депортации они испытают опустошение.

26. Торговля и экономика, Военные расходы Азербайджана 1992-2018 (2017), <https://tradingeconomics.com/azerbaijan/military-expenditure> (доступно 1 июля, 2018).

2. Анализ политики борьбы с экстремизмом

В этой главе рассматриваются стратегические документы и правительственные отчеты Азербайджана, которые закладывают основу для противоборствующих программ экстремизма в стране и анализируют действия правительства Азербайджана по отношению к воспринимаемым угрозам и основные толковые и радикальные факторы радикализации, рассмотренные выше.

2.1. Государственный подход к противодействию насильственному экстремизму

Анализируя законодательство Азербайджана и правительственные нормы в отношении борьбы с радикализацией, следует отметить, что его нынешний подход в значительной степени напоминает методы стран, которые в основном сосредоточены на использовании жесткой силы в борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией. Контртеррористические операции в Азербайджане подкреплены законом «О борьбе с терроризмом» от 18 июня 1999 года. Это основной внутренний правовой документ для борьбы с терроризмом. Этот закон определяет правовые и организационные руководящие принципы борьбы с терроризмом в Азербайджанской Республике, механизм межучрежденческого сотрудничества между государственными органами, ответственными за антитеррористические операции, а также права и обязанности этих органов и отдельных граждан. В 2014 году в Уголовный кодекс Азербайджана были внесены поправки с пунктом «публичные призывы к терроризму». В нем предусматривается пятилетнее тюремное заключение за публичные призывы к совершению правонарушений или создание вооруженных формирований или групп, которые не предусмотрены законодательством, как распределение материалов с аналогичным содержанием.

В 2015 году президент Алиев подписал указ о разделении Министерства национальной безопасности, главного действующего лица в борьбе с терроризмом, на два агентства - Службу государственной безопасности и Службу внешней разведки. Среди других обязанностей Служба государственной безопасности несет ответственность за выявление и предотвращение преступной деятельности террористических групп и противодействие международному терроризму и транснациональным преступлениям. Согласно докладу Госдепартамента США, «власти эффективно используют списки террористических и криминальных наблюдений и биографическую / биометрическую информацию для выявления путешественников в портах въезда. Службы безопасности Азербайджана эффективно обмениваются информацией в правительстве и с другими странами. Сбор передовых данных о пассажирских и пассажирских именах на коммерческих рейсах произошел на некоторых рейсах.»²⁷

В то же время правоохранительные органы используют закон для преследования тех, кто участвует в террористической деятельности. Таким образом, в 2016 году правительство прекратило гражданство 58 лиц, обвиняемых в причастности к террористической деятельности за пределами страны. Они были связаны с ИГИЛ.

Наконец, глядя на концепцию национальной безопасности Азербайджанской Республики, можно заметить, что вопрос о насильственном экстремизме и радикализации не имеет существенного значения. Вместо этого внешние угрозы, связанные с нарушением суверенитета, рассматриваются как основные проблемы. В статье 3.3 упоминается этнический и религиозный экстремизм как «способный подорвать основы государства и

27. Государственный департамент США, Бюро по борьбе с терроризмом и борьбе с насильственным экстремизмом, Страновые доклады о терроризме 2016 года, глава 2, Отчеты по странам: Европа (Вашингтон, Д.С., 2017), <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2016/272231.htm>.

общества и стать потенциальным источником серьезной угрозы национальной безопасности страны». Между тем в статье 3.4 отмечается, что «терроризм и распространение оружия массового уничтожения являются потенциальными угрозами безопасности.²⁸ Интересно также отметить, что в пункте 3.8 концепции упоминается экономическая дестабилизация как одна из угроз национальной безопасности. В нем говорится, что существует риск чрезмерной зависимости от быстро растущих доходов от нефти и газа, что может нарушить макроэкономическую стабильность и впоследствии оставить страну уязвимой для воздействия глобальных и региональных экономических кризисов.

Рассматривая стратегические документы и правительственные отчеты страны, которые закладывают основу для противоборствующих программ экстремизма в Азербайджане, можно сделать вывод, что правительство Азербайджана сосредоточено только на ограничительной политике по борьбе с радикализацией, а не на использовании мягких силовых ориентированных методов. Этот подход ставит под вопрос как эффективность, так и эффективность государственной политики в борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией.

2.2. Действия правительства Азербайджана по борьбе с экстремизмом

Как упоминалось в предыдущей главе, социально-экономические проблемы выступают в качестве основного фактора толчка, который заставляет людей радикализировать в Азербайджане. Чтобы уменьшить проблемы, вытекающие из этого, правительство Азербайджана в 2006 году разработало важную программу, называемую Targeted Social Assistance (TSA) (Целевая социальная помощь).

Это проверенная программа, проводимая Министерством труда и социальной защиты населения. Он полностью финансируется из государственного бюджета и предназначен для того, чтобы помочь конкретным группам избежать попадания в нищету. Уровень социальной помощи, предоставляемой в Азербайджане, определяется уровнем потребности. Было установлено 42,56 евро на душу населения в 2008 году и 57,4 евро на 2010 год. Количество людей, получающих такую помощь, растет с каждым годом. В 2007 году эта помощь была оказана только 48 705 семьям или 2,5% населения, и к концу 2009 года было получено 163 409 семей (749 965 человек) или 8,4% населения. Средний размер помощи для одной семьи в стране составляет 86,81 евро, а для одного человека - 19,09 евро. В результате экономического кризиса программа была сокращена в 2014-2015 годах, но первоначальные оценки показали, что программа повлияла на тех людей, которые находятся в отчаянной бедности. Это позволило людям, особенно живущим в сельских районах, улучшить условия их жизни.

Основным удерживающим фактором, побуждающим людей к радикализации при определенных обстоятельствах и самой большой головной болью для правительства Азербайджана, является религиозный экстремизм. За последние 25 лет правительство Азербайджана использует в основном правоохранные методы для ограничения влияния религиозных организаций. Встретив ряд неожиданных проблем, таких как миссионерская деятельность и салафитская и иранская пропаганда, Закон о свободе вероисповедания претерпел несколько изменений. Поправки ввели ограниченную миссионерскую деятельность и подчиненные независимые религиозные общины под государственному контролю. Религиозный отдел был также восстановлен министерством на уровне кабинета министров.

Современная государственная политика, направленная на подавление влияния религиозных организаций, в основном

28. Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики 2007 (2007), <https://www.files.ethz.ch/isn/154917/Azerbaijan2007.pdf> (доступно 14 июля, 2018).

направлена на уменьшение влияния Ирана в Азербайджане и на Азербайджан. Одним из примеров действий правительства Азербайджана по борьбе с иранской пропагандой является политика ограничения импорта религиозной литературы из Исламской Республики Иран. В течение многих лет иранские миссионеры, а также различные организации могли легко импортировать и продавать религиозную литературу в специализированных магазинах, а также прямо на улицах. Эта литература, переведенная на азербайджанский язык, смогла закрыть перерыв в религиозных делах. Почти с 1992 по 2010 год большая часть литературы, объясняющей ислам и религиозные вопросы, поступала из Ирана. Большинство азербайджанцев узнали об исламе из иранской религиозной литературы. Однако с момента создания Государственного комитета по работе с религиозными организациями стало труднее импортировать такую литературу. Таким образом, к 2010 году комитет рассмотрел более 18 000 книг и запретил около 348 наименований от продаж в Азербайджане.²⁹ Неудивительно, что большая часть запрещенных книг по-прежнему поступает в Азербайджан из Ирана. Между тем парламент принял закон, в котором говорится, что покупка незаконно приобретенной религиозной литературы и других производств за пределами специализированных магазинов сбыта также считается нарушением закона.

29. «В Азербайджане рассмотрено более 15 000 книг», - сообщает News.az, 29 ноября 2011 года. <https://news.az/articles/society/49711> (доступно 11 июля, 2018).

3. Заключение и рекомендации для правительства Азербайджана

Современные тенденции и текущий анализ показывают, что насильственный экстремизм и радикализация представляют собой большую опасность для Азербайджана, чем международные террористические организации. Тем не менее, правительство Азербайджана пытается связать рост радикализации в Азербайджане с иностранным влиянием. Этому есть несколько причин. Правительство Азербайджана, как и многие страны Ближнего Востока, ложно интерпретирует проблему религиозного экстремизма. Они считают, что террористические атаки, происходящие в их странах, а также создание явлений радикальных исламских организаций, связаны с каким-то «нервным» центром, который возглавляется извне. Аналогичным образом, азербайджанскому правительству легче связать феномены радикализации в стране с внешними силами, а не смотреть на реальные факторы, приводящие к возникновению внутренних экстремистских организаций. Ядром этих радикальных экстремистских организаций обычно является группа религиозных молодых людей с низким доходом, которые в основном безработные и недовольны правительством своей страны. Они склонны рассматривать теократическое государство как единственную альтернативу светскому государству. Между тем, в какой-то момент, объяснение быстрой исламизации и радикализации молодежи можно найти в теории относительной депривации. Перефразируя Гурра и Мандавила, можно сказать, что различные программы и схемы, с помощью которых правительство Азербайджана первоначально стремилось обеспечить некоторую форму участия для молодого поколения очень быстро, стали синхронизацией с темпами развития общества.³⁰ Часто можно увидеть

образованных людей среди религиозной молодежи, разочарованных правительством, которое не смогло обеспечить этот средний класс достойным занятием. Несколько и очень желанные позиции, доступные в частном секторе, главным образом в нефтяной сфере, как правило, зарезервированы для тех элит, чей патронаж поддерживал государство. Азербайджанская система, далекая от открытия новых путей участия и социальной мобильности, как представляется, сделала не более, чем восстановление существующих структур социального влияния за новым современным фасадом. Во многих случаях разрыв между богатыми и бедными фактически расширился, и значительная политическая личность молодого поколения. То, что сейчас испытывает Азербайджан, - это классический случай «относительной депривации», вызванный быстро растущими экономическими и политическими ожиданиями, которые не удовлетворяются материальными условиями. Исторический опыт показывает, что растрескивание радикальных клеток в стране вряд ли принесет долгосрочные выгоды. Вместо этого он мог бы дополнительно отчуждать группы религиозных меньшинств и приводить их в ловушку радикальных организаций.

Чтобы предотвратить насильственный экстремизм и радикализацию в стране, правительство Азербайджана должно установить комплексный и системный подход к проблеме. Особое внимание следует уделять разработке ориентированного на общины подхода к борьбе с насильственным экстремизмом, который фокусируется на общественной поддержке и участии в повышении подотчетности и эффективности. Этот подход основан на идее участия местных муниципалитетов, различных организаций и социальных групп в борьбе с насилием экстремизма в сотрудничестве с правоохранительными органами. Например, в Азербайджане было несколько случаев, когда сотрудничество правоохранительных органов с семьями некоторых джихадистов позволило прервать похищение людей по террористическим соображениям. Кроме того,

30. «В Азербайджане рассмотрено более 15 000 книг», - сообщает News.az, 29 ноября 2011 года. <https://news.az/articles/society/49711> (доступно 11 июля, 2018).

существует несколько правительственных организаций, таких как Научный фонд или Центр мультикультурализма, которые активно работают в регионах для привлечения людей к опасностям насильственного экстремизма. Однако работу следует укрепить и в сочетании с другими инициативами. Если бы Азербайджан мог включить этот подход в свою социальную и политическую систему, это способствовало бы созданию более толерантной среды. В противном случае Азербайджан может вскоре столкнуться с угрозами радикализации, а также с терроризмом, который может поставить под угрозу светскую государственность молодой республики.

Особые действия, которые должно предпринять правительство Азербайджана для уменьшения угроз радикализации в стране, связанных со слабыми социально-экономическими условиями:

- Осуществлять активную экономическую политику, ориентированную на устойчивое развитие;
- Сделать молодежное население Азербайджана основным преимуществом упомянутых выше инициатив;
- Критические вопросы, такие как занятость молодежи, участие молодежи в управлении и государственном управлении;
- Величить государственные инвестиции в области здравоохранения и образования;
- Обеспечить равный доступ к качественной занятости во всех слоях населения;
- Развивать сельские районы.

Действия, которые должно предпринять правительство Азербайджана для предотвращения насильственного экстремизма и радикализации в стране, связаны с усилением влияния религиозных организаций:

- Содействовать религиозному диалогу;
- Приложить больше усилий к формальному религиозному воспитанию граждан и стремящимся к духовной жизни;
- Постепенно уменьшать влияние радикальных идеологий за счет жесткого контроля над миссионерской работой;
- Содействовать диалогу салафитов / суннитов-шиитов, чтобы уменьшить напряженность в обществе;
- Организовать национальные общественные дебаты с участием независимых и официальных клириков, ученых и НПО для определения формы оптимальных отношений между средствами для более эффективной гарантии свободы вероисповедания;
- Поощрять независимые религиозные общины, в частности группы салафитов, предупреждать своих членов о рисках, связанных с терроризмом и боевизмом;
- Предотвратить работу организаций, которые вербуют граждан Азербайджана для борьбы в Сирии и Ираке;
- Привлечение местных религиозных организаций к пропаганде против присоединения к террористическим группам;
- Создать программы реабилитации для тех, кто вернулся из Сирии и Ирака, чтобы вернуть их в общество и нормальную жизнь.

Анализ условий безопасности Грузии в отношении радикализации и насильственного экстремизма

Введение

Память о конфликтах Грузии достаточно тяжелая, основанная на политическом прошлом. Первое десятилетие независимости Грузии после распада Советского Союза можно было оценить как период извержения «романтического и мессианского национализма». Политические взгляды, отличающиеся от идей правящей элиты, не допускались и часто встречались с радикальное сопротивление. Эта реальность стала определяющей для самых драматических частей грузинской истории, а именно гражданской войны в начале 90-х годов. К сожалению, политическая элита не была готова обеспечить эффективный демократический переход страны. Следовательно, фрагментация общества и неспособность создавать эффективные правительственные учреждения привели страну к близкому состоянию «несостоявшегося государства».

Даже сегодня, хотя на первый взгляд кажется, что страна преодолела эти проблемы, «тени прошлого» все еще скрываются, вызывая страх в грузинском обществе и политической элите. К сожалению, в стране никогда не было общественного диалога, чтобы оценить события, произошедшие в первом десятилетии независимости Грузии. Даже академический сектор пытается держаться подальше от глубокого и всестороннего анализа первых лет независимости Грузии.

Проблема насильственного экстремизма, основанного на идеологическом и религиозном происхождении, является относительно новым вызовом для повестки дня безопасности Грузии. Он приобрел значение после 2014 года, когда подъем Исламского государства на Ближнем Востоке привел Грузию в ряды стран, из которых люди уехали в Сирию и Ирак, чтобы присоединиться к террористическим группам.

Этот процесс выявил ряд проблем, которые ранее были табуированы государством и обществом. Следовательно, дискуссии о насильственном экстремизме и религиозной радикализации начались между различными политическими, академическими и медиа-кругами впервые после независимости Грузии. Следует упомянуть, что наряду с радикализацией, основанной на религиозном происхождении, Грузия сталкивается с серьезными проблемами, связанными с радикализацией на политической основе.

В следующих главах анализируются толковые и радикальные факторы радикализации в Грузии. В первой части исследования представлен обзор условий безопасности Грузии в отношении угроз насильственного экстремизма и радикализации. В следующей главе рассматривается политика и операции по борьбе с экстремизмом в Грузии. Основываясь на результатах исследования, в документе содержатся рекомендации правительству Грузии.

Этот аналитический документ основан на кабинетных исследованиях и углубленных интервью, проведенных в регионах Тбилиси, Аджарии, Квемо Картли и Кахети.

4. Проблема радикализации. Основанной на идеологическом и религиозном фоне

4.1. Общий обзор

Согласно различным сообщениям, значительное число грузин покинули страну, чтобы присоединиться к ИГИЛ и другим террористическим организациям.³¹ В целом отток предполагаемых террористов происходил из регионов, где религия традиционно сильна, а значительная часть населения является последователями упомянутой религии: Кахети, Квемо Картли, Гурия и Аджарии. Многочисленные случаи вербовки граждан Грузии различными террористическими организациями, в основном ИГИЛ, заставили государство признать проблему насильственного экстремизма и необходимость стратегии борьбы с насильственным экстремизмом.

Грузинская мусульманская община составляет примерно 11% от общей численности населения страны.³² Ислам имеет давнюю традицию существования в Грузии. Первая мусульманская община появилась в VII веке А. Д. в результате арабской экспансии на Кавказ. В ранние средневековые времена Тбилиси, столица Грузии, была арабским полу-независимым эмиратом. Согласно историческим источникам, царь Давид Строитель освободил город от мусульманских завоевателей в 1125 году. Вторая волна исламизации страны началась в 15 веке, когда Восточная и Западная части Грузии стали вассалами Иранской и Османской империй, соответственно.³³ Помимо этих волн, кавказская кампания Тамерлана сыграла

значительную роль в укреплении позиций ислама в регионе Кавказа. Таким образом, исторически ислам был импортирован в Грузию не только с Ближнего Востока, но и с Центральной Азии.

Грузинская мусульманская община не является однородной сущностью, а скорее фрагментированным и децентрализованным конгломератом, который варьируется в разных регионах страны. Например, Ханафи Мадхаб из суннитского ислама широко распространен в Аджарии и Гурии, что является прямым следствием оттоманского и в последнее время турецкого влияния на указанные части Грузии. В восточной части Грузии, которая исторически находилась под вассализацией иранской империи, можно заметить, что значительное число последователей шиитской ветви ислама. В основном это этнические азербайджанские граждане Грузии, проживающие в Квемо Картли и Кахети. Еще одна мусульманская группа в Кахетии - это кисты, этническое меньшинство северокавказского происхождения, проживающее в Панкисском ущелье и представляющее ханафийский мадхаб суннитского ислама, который, как утверждается, был импортирован Тамерланом в 14 веке на Северный Кавказ. В настоящее время значительная часть Кистов представляет салафинский филиал суннитского ислама.

4.2. Внешние факторы, способствующие насильственному экстремизму

Одним из главных внешних факторов насильственного экстремизма является прямое иностранное влияние на различные мусульманские группы в Грузии. Как уже упоминалось, развал СССР вызвал так называемый процесс «ре-исламизации» Кавказского региона.³⁴ Представители се-

31. Служба государственной безопасности Грузии, Отчет Государственной службы безопасности Грузии 2017 (Тбилиси). <https://ssg.gov.ge/uploads/%E1%83%90%E1%83%9C%E1%83%92%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%98%E1%83%A8%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98/SSSG%20Report%202017.pdf>.

32. Национальное статистическое управление Грузии, Общая перепись населения 2014 года (Тбилиси, 2016), 9. http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/population/Census_release_ENG_2016.pdf

33. Библиотека Народного защитника Грузии, Религии в Грузии (Тбилиси, 2008). http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/8483/1/Religiebi_Saqartveloshi.pdf

34. Руслан Барамидзе, Исламское государство и мусульманское общество Грузии (Тбилиси: Фонд Генриха Бёлла, Региональное отделение Южного Кавказа, 2015). <https://ge.boell.org/ka/2015/07/07/islamuri-saxelmcpo-da-sakartvelos-muslimuri-temi>.

верокавказской диаспоры на Ближнем Востоке, особенно в Турции, воспользовались возможностью, созданной снос «железного занавеса», чтобы вернуться на свою историческую родину и помочь своим братьям-членам исламской уммы вернуться к корням чистого ислама, поврежденного во время царского режима, с одной стороны, и коммунистических репрессий - с другой. Крах СССР дал возможность не только кавказским мухаджирам, но и различным фундаменталистским основам и группам, базирующимся в разных странах Ближнего Востока, воплотить свои цели в действия. Новое поколение суннитских и шиитских священнослужителей, с высококачественным религиозным образованием, надлежащими навыками проповеди и поддержки со стороны своих зарубежных спонсоров, могло легко завоевать сердца и умы молодых мусульман. Во-первых, старшее поколение мусульманского духовенства больше не могло влиять на своих последователей. Соревнование между старым и новым поколением духовенства с самого начала было неравным. Старшее поколение духовенства не могло дать ответы на чувствительные богословские вопросы молодого поколения священнослужителей, которые вернулись из ближневосточных стран, в частности из Саудовской Аравии, Иордании, Египта, Турции и Ирана из-за отсутствия религиозного образования. У них не было возможности получить высшее исламское богословское образование. Поэтому младшее духовенство было позиционировано как некомпетентное.

Ситуация меняется в разных регионах Грузии. Кахетинский регион можно рассматривать как область религиозного влияния государств Персидского залива. Как уже упоминалось, представители молодого духовенства получили религиозное образование в Саудовской Аравии и других странах Персидского залива, а Университет Джедда является главным источником религиозного образования для представителей мусульман Кавказа-суннитов. После окончания второй русско-чеченской войны салафизм поспешил к Панкиси из Чеч-

ни. Это дало некоторым фундаменталистским арабским фундаментам возможность расширить свое присутствие на Кавказе, особенно в Грузии. Закрытое сообщество, живущее в критической степени нищеты и преступности, полное отсутствие государственной власти и высокий уровень социальных расстройств создали благодатную почву для агрессивного прозелитизма. В результате сегодня около 75% молодежи в возрасте от 18 до 35 лет считают себя представителями общины салафитов.³⁵

Те люди, которые идентифицируют себя как члены сообщества салафитов, говорят, что они разделяют те же ценности и идеи, которые проповедуют салафиты-священнослужители. Они более консервативны, чем представители так называемого «традиционного» ислама. Салафизм сам по себе является консервативным учением махахаха ханбали суннитского ислама, который учит молиться «в манере предков». «В противном случае салафизм пытается очистить ислам от традиций или ритуалов, принятых в результате этнических, культурных, политических и других влияний. Мученики Панкиси Салафи также утверждают, что этнические и культурные традиции имеют вторичный смысл, как все, что не описано в Священном Писании. Это одна из причин беспокойства от имени старшего поколения по отношению к ним. Представители старшего поколения обеспокоены тем, что влияние салафитов может привести к потере уникальной идентичности Киста.

Стоит также отметить, что почти каждый человек, вовлеченный в процесс найма молодых людей в террористических целях, получил образование в религиозных центрах государств Персидского залива, и почти все их новобранцы были определены как представители общины салафитов. Однако, как уже упоминалось выше, было бы неразумно и необоснованно утверждать, что сообщество салафитов полностью радикализировано, или

35. Участники дискуссии, проведенной в ущелье Панкиси (3 июня 2018 года), Исследования по коренным причинам насильственного экстремизма и радикализации (Георгий Гобронидзе, интервьюер).

каждый священнослужитель с религиозным образованием, полученным на Ближнем Востоке, проповедует радикальную идеологию. И наоборот, подавляющее большинство населения салафитов осуждает любые формы насильственного экстремизма и терроризма, хотя они признают существование радикализированных групп среди салафитской общины, которые сочувствуют различным террористическим организациям.³⁶

Автономная Республика Аджария всегда была естественной областью интереса для различных религиозных организаций, базирующихся в Турции. Большинство из них не представляют собой позицию или национальные интересы турецкого государства. В упомянутом регионе активно представлено определенное количество турецких религиозных организаций и фондов, особенно когда речь идет о пожертвованиях школ-интернатов, существующих в Горной Аджарии. Как показали интервью в Аджарии, большинство участников из социально уязвимых семей, а это означает, что отсутствие условий для содержания побуждает родителей отправлять своих детей в школы-интернаты, чтобы обеспечить их питанием, базовым образованием и основными условиями жизни. Дополнительным преимуществом также является возможность путешествовать и учиться за рубежом.

Государство имеет ограниченные инструменты для мониторинга учебников, планов обучения или учебных планов этих учебных заведений. Кроме того, государство не располагает достаточной информацией о преподавателях или ценностях, которые они разделяют со своими учениками. Только несколько школ-интернатов открывают двери для немусульманских посетителей и даже меньше информации об обмене информацией с представителями организаций гражданского общества, академических кругов или средств массовой информации.

36. Смотрите примечание 35 выше.

Представители духовенства и религиозных организаций, базирующихся в Исламской Республике Иран, в свою очередь пытаются создать базу для дальнейшего осуществления своей политической повестки дня, поддерживая различные группы среди мусульман-шиитов Грузии, которые в целом являются гражданами Грузии с азербайджанским происхождением, проживающим в Квемо Картли и Кахети. Действия иранских религиозных организаций очевидны в сельских районах Марнеули и Гардабани, где асимметрия между региональными центрами и периферией является яркой. Несмотря на недвусмысленно позитивные шаги правительства Грузии, такие как отправление учителей грузинского языка в регионе и реализация программы «4 + 1» в высших учебных заведениях, проблема доступности к качественному образованию, лингвистический барьер и исключение из политической, социальной и культурной жизни все еще делает регион уязвимым.

4.3. Внутренние факторы, способствующие насильственному экстремизму

Помимо уязвимости перед внешними факторами радикализации, Грузия сталкивается с серьезными проблемами со стороны внутренних факторов, способствующих сильному экстремизму в стране. В качестве таковых должны быть подчеркнуты богословские, социальные и культурные, экономические и информационные факторы.

Теологический фактор радикализации влечет за собой проблему интерпретации религиозных норм. Более конкретно, здесь подразумеваются контекстуальные и текстовые определения религиозных исследований. Первое подразумевает современное окружение, в котором религиозные нормы определяются в соответствии с существующим социальным и культурным контекстом. Эта форма определения популярна среди последовате-

лей умеренного ислама, которые более склонны придавать значение не только тому, чему учит религия, но и тому, как эти учения могут быть отражены в современном мире. Другими словами, религия следует за развитием общества. Это определение религиозных норм более открыто и обеспечивает достаточное пространство для свободного маневрирования в современном мире.³⁷

Среди множества инструментов для текстовой интерпретации религиозных догм и учений пришествие, описанное в Священном Писании, имеет абсолютный приоритет. Это означает, что догмы интерпретируются таким образом, который игнорирует современный контекст, в котором существует общество. Учение Священного Писания предоставляется непосредственно и игнорирует любые герменевтические подходы к Священному Писанию.³⁸ Консервативное духовенство, чье учение носит фундаменталистский характер, обычно использует такой подход к интерпретации догм. Одной из характеристик такого учения является то, что он направлен против дезакларизации культуры. Это также запрещает разнообразие выражений как релятивизм, другими словами, возможность существования нескольких истин. Такой подход подпитывает плодотворную идеологическую основу для радикального духовенства, отвергающего интегрирующие тенденции современного мира, глобализацию и реквизиты гражданского общества. Текстовые интерпретации религиозного учения показывают современный мир как зло, с которым должен бороться каждый верующий.

Наличие отмеченного фактора в Грузии в основном обусловлено отсутствием механизмов регулирования и мониторинга религиозного образования. Как уже упо-

миналось, значительная часть религиозных учебных заведений закрыта как для государства, так и для общества.³⁹

Экономические проблемы являются дополнительным существенным фактором среди других факторов, определяющих радикализацию в Грузии. Однако следует отметить, что регионы Грузии с густонаселенными этническими религиозными общинами имеют одинаковые социально-экономические проблемы с остальной частью страны. В этих условиях низкий уровень жизни и недостаточный доступ к качественному образованию в сочетании с социально-культурными факторами, характерными для регионов, проживающих представителями этнических и религиозных меньшинств, создают благоприятные условия для радикализации в обществе.

Этот контекст создает представление о том, что лица, которые покинули Грузию для Сирии и Ирака, достигли успеха на Ближнем Востоке. Хотя возможности для самореализации, доступные для молодежи, ограничены, такие «истории успеха» воспитывают радикальные чувства среди молодежи. Считается, что привлечение молодежи к деятельности, осуществляемой террористическими организациями, является инструментом для приобретения передового социального статуса или пути к лучшему будущему. Информация играет важную роль в таких случаях. Не только социальные, но и основные средства массовой информации часто пропагандируют распространение таких «историй успеха».⁴⁰

37. Георгий Гобронидзе, Проблемы исламской радикализации: государственная политика и перспективы регионального сотрудничества - Перспективы Грузии (Тбилиси: Кавказский дом, 2017). <http://regional-dialogue.com/wp-content/uploads/2018/03/mar-GE.pdf>.

38. Смотрите примечание 36 выше.

39. Министерство образования и науки Грузии, Национальная система квалификаций (2010). https://www.tsu.ge/data/file_db/xarisxis_martvis_dep/charcho.pdf.

40. Джерард Шалианд и Арно Блин, «История терроризма от античности до Аль-Каиды», перев. Энвард Шнайдер, Кэтрин Пулвер и Джесси Браунер (Berkeley: University of California Press, 2005).

4.4. Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации в Грузии

Синергия внешних и внутренних факторов, о которых говорилось выше, создает плодородную почву для толкающих и тянущих факторов радикализации и насильственного экстремизма в Грузии.

Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации основанные на социокультурном определителе радикализации

Интервью в регионах Грузии, особенно в Панкисском ущелье, Аджарии и Гурии и Квемо Картли, показали, что одним из основных факторов, определяющих радикализацию для молодежи, является разочарование.

Чувство разочарования было легко обнаружено во время интервью в Панкиси. Интервью показали, что есть мнение, что молодежь мало внимания уделяет государству. Исследования также показали отсутствие условий для самореализации, а также меньшее вовлечение в политическую и социальную жизнь усиливает разочарование. «Мы каждый день должны объяснять, что мы не террористы, а простые граждане, с обычными жизнями и проблемами», «государство смотрит на нас как на угрозу, унижающую», - заявляют респонденты.⁴¹ Отсутствие перспективы может также обсуждаться как один из факторов, способствующих насильственному экстремизму в регионе.

Между тем представители молодого поколения рассматривают эмиграцию в Сирию и Ирак в качестве решения и возможность получить уважение и социальный статус. Одной из причин такого восприятия являются так называемые «истории успеха» грузинских членов террористических организаций на Ближнем Востоке. Радикальные группы используют фактор грузинских террористических лидеров, чтобы сделать их

ячейки привлекательными для молодежи. Вышеупомянутое было изложено в качестве основной причины, по которой два школьника Панкиси присоединились к ИГИЛ.⁴² «Они были отравлены рассказами героизма грузинских полевых командиров в ИГИЛ. Они полагали, что эти люди боролись за правильные причины, и они просто оставили свои сумки в школе и присоединились к террористической организации непосредственно из рабочих мест их класса», - отмечают респонденты.⁴³

Интервью в Аджарии и Гурии также показали, что разочарование является одним из главных факторов радикализации местной мусульманской общины. Во время интервью было упомянуто несколько случаев, когда члены общины были угнетены на рабочих местах как в частном, так и в государственном секторах.

Все вышеизложенное приводит к чувству несправедливости, отчужденности и уязвимости. Во время интервью было отмечено, что небольшая часть молодежи уже чувствует, что эта несправедливость может быть проиграна только силой. Хотя проблема радикализации на религиозной почве в Аджарии не стоит на повестке дня безопасности, существующие представления и проблемы (в том числе просьбы о строительстве мечетей) требуют особого внимания со стороны государства и надлежащего общения с обществом.

Вопросы, связанные с строительством новых мечетей или восстановлением старых, также широко представлены в Квемо Картли. Респонденты отметили, что несколько мечетей, которые представляют собой памятники культурного наследия с их историческим значением, являются принадлежностью Министерства экономики и устойчивого развития. Это повышает риск того, что в один прекрасный день эти здания могут быть проданы как обычные участки недвижимости и использованы для других целей.

41. Смотрите примечание 35 выше

42. Смотрите примечание 35 выше

43. Смотрите примечание 35 выше

Другие детерминанты фрустрации в Квемо Картли более социально-политические и этнокультурные, чем религиозные. Регион отличается своим контекстом, поскольку его население одновременно представляет этническое и религиозное меньшинство. Большая часть населения региона является этническим азербайджанцем; исповедников шиитского ислама. Несмотря на то, что грузинская азербайджанская община имеет давнюю историческую традицию в стране, полноценная интеграция этой группы в грузинское общество по-прежнему проблематична. Эта проблема обычно вызвана лингвистическим барьером. Согласно последним исследованиям,⁴⁴ только 31% этнических меньшинств Грузии говорят на грузинском языке.⁴⁵ Следовательно, эти люди сталкиваются с препятствиями, пытаюсь найти работу в государственном секторе. Аналогичным образом, лингвистический барьер снижает возможности для них в частном секторе. Указанная проблема также отражена в электоральном и политическом поведении местного сообщества. Многие люди, особенно молодежь, безразличны к политическим процессам.

Ограниченные экономические возможности, низкий доступ к качественному образованию, отчуждение от политических процессов и ограниченные возможности для самовыражения создают ощущение неравенства среди этнических азербайджанцев Квемо Картли. Такая дезинтеграция отчуждает не только этническое меньшинство от остального грузинского общества, но и вызывает чувство несправедливости, которое, в свою очередь, может стать одним из основных определяющих факторов радикализации на основе фрустрации.

44. Джонатан Уитли, «Интеграция национальных меньшинств в Самцхе-Джавахети» и провинциях Квемо Картли (Тбилиси: Европейский центр по вопросам меньшинств, 2009 г.).

45. Следует отметить, что информацию, упомянутую здесь, трудно получить из-за отсутствия соответствующих данных. У государства нет точной информации, когда речь идет о количестве этнических меньшинств, которые могут говорить на грузинском языке

Отталкивающие и удерживающие факторы радикализации основанные на теологическом определении радикализации

Почти каждый респондент в разных регионах Грузии согласен с тем, что важные факторы, связанные с так называемой «террористической миграцией», являются религиозными и идеологическими. Искаженные представления о джихаде и исламской эсхатологии стали основными мотивами для значительной части людей, которые уехали в Сирию и Ирак.

Главная проблема богословских факторов радикализации заключается в противоречии контекстуальных и текстовых интерпретаций религиозных догм, подробно обсужденных выше. Согласно представлениям, применяемым радикалами, до дня суда Махди завершит распад мусульманского мира, который может быть достигнут только путем создания мусульманского халифата, идеальной модели исламского государства. Понятие халифата понимается как нечто вроде «Царства Небесного на земле». Так называемый «халифат», установленный ИГИЛ-ом, воспринимался как последний халифат, упомянутый в хадисах многими из тех, кто присоединился к его рядам из-за религиозных или идеологической точки зрения.

Респонденты в Панкиси называют Бесо Куштанашвили примером вхождения в террористическую организацию исключительно на основе религиозной и идеологической мотивации.⁴⁶ Аналогичная точка зрения была поддержана и в случае Аджарии и Квемо Картли, где наиболее значительное число респондентов сомневались в финансовой мотивации тех, кто присоединился к террористическим группам в Сирии и Ираке.

46. Эка Кеванишвили, «Дорога - от Сирии до Панкиси», «Радио Свобода», 26 сентября 2014 года, получила доступ к 11 июля 2018 года, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/pankisisidan-siriamede/26607262.html>.

5. Проблема радикализации на этническом и политическом фоне

Несмотря на то, что сегодня Грузия не сталкивается с серьезными и прямыми угрозами в отношении националистического экстремизма, первые признаки серьезной проблемы ясны и тревожны для государства. Возрастающая популярность правых рассказов среди общественности уже указывает на то, что в грузинском обществе все еще живы определенные настроения движения «романтического национализма» 1990-х годов и могут стать дополнительным фактором радикализации в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Проблема радикализации этнического и политического фона должна анализироваться через призму политических, социальных и экономических и информационных факторов.

5.1. Политические факторы

Как упоминалось во введении, радикализация, основанная на политических факторах, относится к ряду проблем, которые не озвучивались ни в основных политических группах, ни внутри грузинской общины, хотя она становится все более и более яркой. Недавно в столице Грузии было проведено несколько митингов, организованных грузинскими ультранационалистическими группами. На этих демонстрациях присутствовало около двух тысяч человек.

В дополнение к ультранационалистическим группам и популистским нарративам, отсутствие интереса со стороны существующих политических элит к исследуемым регионам, а именно Квемо Картли, населенным этническими или этническими и религиозными меньшинствами, а также отсутствие стратегического видения потребностей меньшинств, в какой-то степени, усиливает вопрос о фрагментации грузинского общества. Поскольку приграничные районы,

населенные азербайджанскими этническими меньшинствами, были беспристрастно восприняты как сторонники правящей элиты независимо от того, какая политическая группа находится у власти, во многих случаях оппозиция менее склонна выделять ограниченные ресурсы для избирательных кампаний или усиливать свое присутствие в этих регионах. Почти никто из них не предлагает специальные программы или стратегии, направленные на удовлетворение основных потребностей этнических меньшинств, а именно участие в политической и гражданской жизни страны, доступность качественного образования и преодоление существующего лингвистического барьера.

Такие искаженные социальные конструкции, в свою очередь, вызывают потерю доверия к политическому процессу. Такое равнодушие к политическому процессу, в основном от молодежи, является одним из основных предпосылок дальнейшего скептицизма в отношении государства и его институтов. Эти условия оставляют пространство для популистских, ультранационалистических групп, чтобы укрепить свои позиции в будущем и действовать как детерминанты для возможной радикализации на основе этнической принадлежности. Из вышесказанного можно сделать вывод, что, хотя прямой угрозы насильственного экстремизма на националистической и политической основе не существует, нынешняя ситуация в стране требует внимания со стороны государства.

5.2. Информационные факторы

Проблема, связанная с ограниченным доступом к информации грузинских источников информации, постоянно обсуждалась в стране. Лингвистический барьер, с одной стороны, и слабость местных СМИ-с другой, представляют собой серьезные проблемы для этнических меньшинств в получении исчерпывающей информации о различных процессах в стране. Грузинская общественная телекомпания предоставляет несколько концертов на языках

этнических меньшинств, но в основном это новостные трансляции и минимальная доля сетевого программирования канала. Информация, предоставляемая общественной телекомпанией, вряд ли отражает потребности этнических меньшинств и не охватывает темы, имеющие отношение к целевым регионам.

Лингвистические барьеры и слабость местных СМИ не только ограничивают доступ к информации, но и создают дуалистическую информационную реальность для армянских и азербайджанских меньшинств в Грузии. В настоящее время этническое армянское и азербайджанское население Грузии получает информацию из армянских и азербайджанских источников информации, соответственно, которые в большинстве случаев являются антагонистами друг к другу. В ходе интервью респонденты выразили озабоченность по поводу влияния такого рода влияния СМИ на местное население. Спорные информационные каналы могли бы поддержать развитие враждебных отношений между упомянутыми группами. Респонденты отметили, что первые признаки такого напряжения очевидны.⁴⁷

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что информационный фактор радикализации еще сложнее, чем кажется на первый взгляд. С одной стороны, широко распространена проблема доступа к грузинским СМИ и исключения этнических меньшинств из грузинской информационной реальности, что создает дополнительные проблемы для тех меньшинств, которые занимаются реализацией себя в государстве и впоследствии являются движущей силой радикализации в перспективе. С другой стороны, проблема влияния иностранных источников информации легко заполняет существующий вакуум в информационной среде и негативно влияет на восприятие

разных этнических групп друг к другу.

6. Политика правительства Грузии по борьбе с экстремизмом

Пока угроза насильственного экстремизма и радикализации остается необычным вызовом для повестки дня национальной безопасности Грузии, грузинские власти сталкиваются с серьезными препятствиями в процессе разработки сложной стратегии борьбы с экстремизмом.

Первым шагом, предпринятым правительством, является ужесточение антитеррористического законодательства. Международные террористы были разделены новыми поправками. Кроме того, уголовная ответственность за вербовку в террористические организации, участие в террористической деятельности за рубежом или членство в террористической организации, подкрепленной третьим государством. Любые формы директора в прямых призывах к терроризму наказываются, несмотря на источники информации, используемые для этой цели.⁴⁸

Эти изменения в законодательстве Грузии стали шагом вперед, поскольку было выявлено всеобъемлющее определение терроризма. В дополнение к этому, новые поправки отделяют международный терроризм от других видов терроризма, которые дают большую гибкость законодательной системе Грузии.

Между тем власти Грузии решили усилить пограничный контроль. С этой целью были предприняты комплексные шаги. Прежде всего, ужесточился механизм предоставления гражданства. Кроме того, повысился уровень защиты проездных документов. Пограничная полиция приняла списки санкций Организации Объединенных Наций, и было приобретено

⁴⁷ Участники дискуссии, проведенной в Квемо Картли (12 декабря 2017 года), Исследования по коренным причинам насильственного экстремизма и радикализации (Георгий Гобронидзе, интервьюер).

⁴⁸ Закон Грузии о борьбе с терроризмом, <https://matsne.gov.ge/en/document/view/21796?publication=9> (доступно 14 июля, 2018).

⁴⁹ Гиорги Гогвадзе и Серги Капанадзе, Даэш и вызовы Грузии (Тбилиси: реформы в Грузии Ассоциированные, 2015).

дополнительное оборудование для обеспечения лучшего контроля за границами.⁴⁹

Несмотря на ограниченные устойчивые институциональные механизмы, заслуживают внимания конкретные позитивные шаги, предпринятые правительством Грузии. Эти действия были направлены на поддержку интеграции этнических и религиозных меньшинств, которые могли бы частично влиять на сокращение толковых факторов насильственного экстремизма в стране. Прежде всего, следует отметить, что легкость доступа к государственным услугам и поправки в грузинское законодательство, обеспечивающие дополнительные гарантии социальной защиты жителей горных районов страны. Эти поправки оказали положительное влияние на уровень жизни и социальные условия населения в случае Аджарии, Гурии и Панкисского ущелья.

Следует также отметить меры, принимаемые министерством обороны Грузии. В 2016 году министерство провело комплексные мероприятия в Панкисском ущелье. Жителям Панкиси предлагалась военная служба для своей страны. 16 февраля 2016 года началась регистрация призывников. После 22 февраля министерство начало процесс открытия мечетей для мусульманских солдат на военных базах. В апреле 2016 года министерство получило покровительство одного из спортивных клубов в деревне Омало. Были также предоставлены дополнительные меры социальной помощи семьям солдат из Панкиси.

Как уже упоминалось, к сожалению, такие шаги не отражают всей картины. Жители Панкиси, особенно представители так называемого «меньшинства салафитов», подчеркивают, что встречи, проводимые министерством обороны и другими правительственными учреждениями, были избирательными, и были приглашены только представители так называемого «традиционного ислама». Согласно опросам, создается впечатление, что власти пытаются создать эффективный

государственный контроль, создавая и укрепляя предпочтительные группы, которые в целом вредят отношениям местного населения. Такая же проблема была подчеркнута и в Аджарии и Квемо Картли.

В 2015 году правительство приняло Государственную стратегию по гражданскому равенству и интеграции.⁵⁰ Стратегия ориентирована на создание равных возможностей для представителей этнических меньшинств Грузии. Его цели включают полное вовлечение представителей этнических меньшинств в политическую и социальную жизнь страны, создание равных экономических и социальных условий и возможностей для них, улучшение доступа к качественному образованию и сохранение культуры этнических меньшинств и поощрение толерантная обстановка в стране.⁵¹

Принятие стратегии - это путь вперед. Однако в этом документе отсутствует системный подход, и в целом он ориентирован главным образом на этнические меньшинства. Проблемы, связанные с интеграцией религиозных меньшинств, остаются без внимания.

Цели стратегии и планов действий, прилагаемых к ней, трудно реализовать на практике, хотя, поскольку документ не отражает движущую силу проблем, стоящих перед государством в отношении интеграции меньшинств. Другими словами, государство не рассматривает причины, а скорее последствия. Например, чтобы полностью вовлечь представителей этнических меньшинств в политическую и социальную жизнь страны, стратегия ставит перед собой следующие цели: усиление политического участия, улучшение гражданского участия, расширение доступа к средствам массовой информации и информации, повышение осведомленности о этнических меньшинствах прав.

50. Постановление Правительства Грузии № 1740 (17 августа 2015 г.) «Об утверждении Государственной стратегии обеспечения равного участия и интеграции граждан и плана действий на 2015-2020 годы», http://smr.gov.ge/Uploads/esen_55b90432.pdf.

51. Смотрите примечание 50 выше.

Чтобы создать равную избирательную среду и обеспечить политическое участие этнических меньшинств в политической жизни страны, крайне важно заниматься не только государством, но и другими политическими субъектами. Согласно информации, предоставленной Грузинской ассоциацией молодых юристов и Общественным движением многонациональной Грузии в рамках исследовательского проекта, связанного с избирательным поведением этнических меньшинств Грузии, ни одна политическая партия не рассматривала проблемы, связанные с этническими меньшинствами, в их стратегическом видении и программе документы.⁵² Более того, политические деятели пока не очень заинтересованы в привлечении молодых политических лидеров из регионов проживания этнических меньшинств. Например, как отмечали респонденты в Панкиси, ни один этнический кист не был представлен в партийных списках во время последних местных выборов, несмотря на волю многих представителей социально активной молодежи участвовать в политическом процессе.⁵³

Увеличение доступа к средствам информации и информации - еще одна цель, изложенная в упомянутой выше стратегии, - также трудно понять, учитывая нынешний статус-кво. Согласно стратегии, проблема доступа к информации из грузинских медиа-источников, обсуждавшаяся ранее, должна быть решена с помощью Общественного вещателя Грузии. Очевидно, что Общественный вещатель Грузии может сыграть позитивную роль в расширении доступа этнических меньшинств к средствам информации и информации, но это может быть только один из многих участников, а не флагман информационной политики страны в целевых регионах.

Что касается повышения осведомленности о

правах этнических меньшинств, в стратегии рассматривается проведение информационных кампаний для групп этнических меньшинств, а также для остальной части общества в качестве способа достижения этой цели. Исходя из существующей практики, можно считать, что такие меры менее эффективны, поскольку кампании носят несистемный характер и обычно проводятся с участием местного правительства, которое от его имени зависит от партийных активистов. Соответственно, доступ к соответствующему сегменту общества ограничен. Кроме того, у правительства нет надлежащего инструмента для оценки эффективности таких кампаний. Основным показателем, по которому оцениваются кампании, является их охват.

Создание равных социальных и экономических возможностей для представителей этнических меньшинств, что является одной из четырех основных целей упомянутой выше стратегии, имеет особое значение для сокращения толковых факторов насильственного экстремизма в стране. Для достижения этой цели его важность должна быть отражена и в других документах и государственной политике. Крайне важно установить синергизм между различными правительственными учреждениями и включить указанную цель в другие стратегические документы, такие как Национальная стратегия социально-экономического развития.⁵⁴ Государству необходимо пересмотреть свой стратегический подход, чтобы отразить вопрос о создании равных социальных и экономических возможностей для этнических меньшинств. В противном случае может сложиться впечатление, что разные правительственные учреждения разрабатывают свои видения отдельно, а подход к критическим вызовам фрагментирован.

52. Гиорги Гобронидзе (26 февраля 2018 года), «Обсуждение избирательного поведения этнических меньшинств».

53. Смотрите примечание 35 выше

54. Правительство Грузии, Стратегия социально-экономического развития Грузии: Грузия 2020 (Тбилиси, 2014), http://www.mrdi.gov.ge/sites/default/files/1_sakartvelos_socialur-ekonomikuri_ganvitarbis_strategiis_-_sakartvelo_2020.pdf.

7. Заключение и рекомендации для правительства Грузии

Деятельность правительства должна следовать системному подходу, который необходим для разработки эффективной и эффективной политики борьбы с экстремизмом. Для достижения эффективных результатов власти должны внедрять инклюзивные программы, отраженные в различных правительственных стратегиях и политике устойчивого развития страны. Акцент должен быть сделан на разработке, ориентированного на общины подхода к борьбе с насильственным экстремизмом, который фокусируется на общественной поддержке и участии.

Политика борьбы с радикализацией должна основываться на развитии местных сообществ. В соответствии с этим рассматриваются такие мероприятия, как повышение качества образования, реализация социально ориентированной политики и принятие мер по улучшению экономики. Между тем, местное сообщество должно участвовать в процессе принятия решений без выборочных подходов. Синергетический подход, который включает различные правительственные учреждения, также имеет решающее значение для осуществления эффективной политики борьбы с экстремизмом.

Принятие упомянутых ниже рекомендаций создаст благодатную почву для дальнейшего совершенствования политики борьбы с насильственным экстремизмом Грузии. Страна получит всеобъемлющую стратегию, ориентированную не на искоренение симптомов проблемы, а, что более важно, на ее причины.

Особые действия, которые должно предпринять правительство Грузии для уменьшения угроз насильственного экстремизма и радикализации в стране:

- Прежде всего, должен быть принят всеобъемлющий политический документ, предусматривающий борьбу с насильственной стратегией экстремизма, в котором будут подробно рассмотрены все толчок и радикальный фактор радикализации и дается точное видение того, как бороться с каждым из них;
- Необходимо повысить уровень взаимодействия между различными субъектами сектора безопасности. Учреждение механизмов координации и обмена информацией имеет стратегическое значение в этом отношении, поскольку в стране нет органа, ответственного за определение политики безопасности государства и координации специализированных услуг;
- Политика контр-экстремизма и борьбы с радикализацией Грузии должна стать более сложной и системной. Различные правительственные учреждения, отвечающие за образование, устойчивое экономическое развитие и гражданское примирение, а также гражданские субъекты, должны участвовать в разработке ориентированного на общины подхода к борьбе с насильственным экстремизмом, который фокусируется на общественной поддержке и участии в повышении эффективности и подотчетности;
- Большое значение имеет обеспечение механизмов реализации политики. Для этой цели должен быть обеспечен регулярный анализ условий безопасности грузинской и системной оценки конкретных видов деятельности, изложенных в стратегии;
- Должен быть установлен парламентский

надзор за реализацией стратегии борьбы с насильственным экстремизмом. Главы правительственных учреждений, ответственных за реализацию конкретных программ в рамках этой стратегии, должны постоянно сообщать парламенту Грузии.

- Необходимо пересмотреть Государственную стратегию по гражданскому равенству и интеграции:
 - Во-первых, стратегия должна также отражать вопросы, связанные с религиозными меньшинствами;
 - Во-вторых, он должен лучше отображать способы решения проблем, связанных с политическим участием меньшинств;
 - Чтобы повысить уровень политического участия меньшинств, необходимо принять меры для поощрения вербовки политическими партиями молодых политиков, представляющих этнические меньшинства;
 - Необходимо установить более системный подход и охватить низовое население, чтобы повысить осведомленность общественности о правах меньшинств и решить проблему, связанную с гражданским сознанием в обществе. Одним из вариантов является пересмотр курса гражданского образования в государственных школах, где больше внимания уделяется правам меньшинств. Кроме того, важно организовать несколько совместных образовательных, спортивных и развлекательных мероприятий для молодежи, представляющих этнические меньшинства и группы доминант общества.
- Государству необходимо пересмотреть свои стратегии регионального развития и, в частности, Стратегию социально-экономического развития:
 - Документ должен отражать потребности

этнических меньшинств и учитывать конкретные особенности целевых регионов, упомянутых выше.

Литература

„В Азербайджане изучено более 15 000 книг“. News.az, 29 ноября 2011 года. Доступно 11 июля 2018 года. <https://news.az/articles/society/49711>.

„Около 900 граждан Азербайджана присоединились к ИГИЛ в Сирии и Ираке“. APA News, 2017. <http://en.apa.az/azerbaijani-news/developments/sss-chief-about-900-azerbaijani-citizens-joined-terrorist-groups-in-syria-and-iraq.html>.

Барамидзе, Руслан: „Исламское государство и мусульманское общество Грузии. Тбилиси: Фонд Генриха Бёлла, Региональное отделение Южного Кавказа, 2015. <https://ge.boell.org/ka/2015/07/07/islamuri-saxelm-cipo-da-sakartvelos-muslimuri-temi>.

Бенмелех, Эфраим и Эстебан Ф. Клор: „Что объясняет поток иностранных бойцов ИГИЛ?“ Эванстон, штат Иллинойс: Школа менеджмента Келлога, Северо-западный университет, 2016. https://www.kellogg.northwestern.edu/faculty/benmelech/html/BenmelechPapers/ИГИЛ_April_13_2016_Effi_final.pdf.

Библиотека Народного защитника Грузии: „Религии в Грузии.“ Тбилиси, 2008. http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/8483/1/Religiebi_Saqartveloshi.pdf.

Валиев и др.: „Социальная защита и социальная интеграция в Азербайджане.“ Европейская комиссия. 2011. https://www.researchgate.net/profile/Anar_Valiyev/publication/281371904_Social_Inclusion_in_Azerbaijan/links/55e425ce08aebabe6e8e909a/Social-Inclusion-in-Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail (доступно 20 июня, 2018).

Валиев, Анар: „Азербайджан: ислам в постсоветской республике.“ Обзор Ближнего Востока по международным делам 9, вып. 4 (декабрь 2005 года): 1-13. <http://www.rubincenter.org/2005/12/valiyev-2005-12-01/>.

Валиев, Анар: „Иностранные террористические группы и рост коренного радикализма в Азербайджане.“ HUMSEC Journal 2 (2008): 95-112, https://www.researchgate.net/profile/Anar_Valiyev/publication/52010785_Foreign_Terrorist_Groups_and_Rise_of_Home_grown_Radicalism_in_Azerbaijan/links/09e41513377216e643000000/Foreign-Terrorist-Groups-and-Rise-of-Home-grown-Radicalism-in-Azerbaijan.pdf?origin=publication_detail.

Валиев, Анар: „Закон о балансировании Азербайджана в условиях кризиса в Украине.“ Меморандум о взаимопонимании Евразии ПОНАРС № 352. 2014. <http://www.ponarseurasia.org/memo/azerbaijans-balancing-act-ukraine-crИГИЛ> (доступно 20 июня, 2018).

Вильгельмсен, Джулия: „Исламизм в Азербайджане: насколько мощный?“ Исследования в области конфликтов и терроризма 32, вып. 8 (2009): 726-742.

Всемирный банк: „Doing Business 2009: Профиль страны для Азербайджана.“ 2008. <http://documents.worldbank.org/curated/en/229201468209666695/pdf/457020WP0Box331091AZE0Sept029102008.pdf> (доступно 20 июня, 2018).

Гарр, Тед: „Почему мужчины восстают.“ Принстон: Принстонский университет, 1969.

Гобронидзе, Георгий: „Проблемы исламской радикализации: государственная политика и перспективы регионального сотрудничества - перспективы из Грузии.“ Тбилиси: Кавказский дом, 2017. <http://regional-dialogue.com/wp-content/uploads/2018/03/mar-GE.pdf>.

Гугадзе, Георгий и Капанадзе, Серги: „ДАЭШ и вызовы, стоящие перед Грузией.“ Тбилиси: Грузия, реформаторы, 2015.

Государственный департамент США, Бюро по борьбе с терроризмом и борьбе с насильственным экстремизмом: „Страновые доклады о терроризме 2016 года, глава 2, страновые доклады: Европа.“ Washington, D.C., 2017. <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2016/272231.htm>.

Группа Всемирного банка по сокращению бедности и экономическому управлению. „Азербайджан - Экономический меморандум страны: новый шелковый путь - диверсификация с участием экспортеров.“ отчет № 44365-AZ (2009). <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/3154/443650ESW0AZOP1IC0Disclosed01161101.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (доступно 20 июня, 2018).

Европейский парламент: „Радикализация и насильственный экстремизм - сосредоточение внимания на женщинах: как женщины становятся радикализированными и как дать им возможность предотвратить радикализацию.“ [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596838/IPOL_STU\(2017\)596838_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/596838/IPOL_STU(2017)596838_EN.pdf) (доступно 28 июля, 2018).

Закон Грузии о борьбе с терроризмом. <https://matsne.gov.ge/en/document/view/21796?publication=9> (доступно 14 июля, 2018).

Кавказские исследовательские ресурсные центры: „Кавказский барометр: 2008-2013 гг.“, <http://caucasus-barometer.org/en/cb-az/IMPISS1/> (доступно 28 июня, 2018).

Кеванишвили, Эка: „Дорога - от Сирии до Панкиси“. Радио Свобода, 26 сентября 2014. Доступ 11 июля 2018 года. <https://www.radiotavisupleba.ge/a/pankisisidan->

„Концепция национальной безопасности Азербайджанской Республики 2007.“, 2007. <https://www.files.ethz.ch/isn/154917/Azerbaijan2007.pdf> (доступно 14 июля, 2018).

Мандавиль, Питер: „Глобальный политический ислам.“, Лондон: Routledge, 2007.

Литература

Министерство образования и науки Грузии: „Национальная система квалификаций.“, 2010. https://www.tsu.ge/data/file_db/xarixxis_martvis_dep/charcho.pdf.

Национальное статистическое управление Грузии: „Общая перепись населения 2014 года.“, Тбилиси, 2016. http://www.geostat.ge/cms/site_images/_files/english/population/Census_release_ENG_2016.pdf.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе: „Предотвращение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, которые ведут к терроризму: подход к вопросам политики сообщества.“, <https://www.osce.org/atu/111438?download=true> (доступно 28 июля, 2018).

Постановление Правительства Грузии № 1740 от 17 августа 2015 года: „Об утверждении Государственной стратегии обеспечения равного участия и интеграции граждан и плана действий на 2015-2020 годы.“, http://smr.gov.ge/Uploads/esen_55b90432.pdf.

Правительство Грузии: „Стратегия социально-экономического развития Грузии: Грузия 2020.“, Тбилиси, 2014. http://www.mrdi.gov.ge/sites/default/files/1_sakartvelos_socialur-ekonomikuri_ganvitarebis_strategiis_sakartvelo_2020.pdf.

Проект противодействия экстремизму. <https://www.counterextremism.com/glossary> (доступно 28 июля, 2018).

Рабочая группа IACP по борьбе с терроризмом: „Борьба с насильственным экстремизмом (CVE)“, http://www.theiacp.org/portals/0/pdfs/IACP-COT_CommonLexicon_Eng_FINALAug12.pdf (доступно 28 июля, 2018).

Служба государственной безопасности Грузии: „Отчет Государственной службы безопасности Грузии 2017.“, Тбилиси. <https://sbg.gov.ge/uploads/%E1%83%90%E1%83%9C%E1%83%92%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%98%E1%83%A8%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98/SSSG%20Report%202017.pdf>.

Таррас-Уолберг, Луиза: „Обещания рая? Исследование по официальной пропаганде ИГИЛ, направленной на женщин.“, Магистерская диссертация, Шведский университет обороны, 2016. <http://fhs.diva-portal.org/smash/get/diva2:942997/FULLTEXT01.pdf>.

Торговля и экономика: „Военные расходы Азербайджана на 1992-2018 годы.“, 2017. <https://tradingeconomics.com/azerbaijan/military-expenditure> (доступно 1 июля 2018).

Турадзе, Этер: „Жизнь студентов в мусульманских школах-интернатах.“, Batumelebi.ge, 5 марта 2016 года. Доступен 4 июля 2018 года. <http://batumelebi.netgazeti.ge/weekly1/38053/>.

Уитли, Джонатан: „Интеграция национальных меньшинств в провинции Самцхе-Джавахеги и Квемо Каргли в Грузии.“, Тбилиси: Европейский центр по вопросам меньшинств, 2009.

Шалианд, Джерард и Арно Блин: „История терроризма от античности до Аль-Каиды.“, Перевод: Энвард Шнайдер, Кэтрин Пулвер и Джесси Браунер. Беркли: Университет Калифорнийской прессы, 2005.

Юнусов, Ариф: „Исламская палитра Азербайджана.“, Баку: Адилголи, 2012.

Об авторе

Грузинский центр безопасности и развития (GCSD) - некоммерческая, неправительственная организация, основными целями которой являются: поддержание национальной безопасности Грузии, укрепление принципов эффективного и демократического управления страной и поддержание условий для устойчивого развития Грузии.

Основываясь на вышеупомянутых целях, работа центра включает в себя исследования, мониторинг, пропаганду и реализацию образовательных проектов.

Группа исследователей:

Грузинский Исследователь – Георгий Гобронидзе
Азербайджанский Исследователь – Анар Валиев
Помощник по Исследованиям – Гаджар Гусейнова
Помощник по Исследованиям – Афаг Ализада
Помощник по Исследованиям – Георгий Модебадзе

Выходные сведения

Фридрих-Эберт-Штифтунг | Тбилисское Бюро
Ул. Н. Рамишвили 4 | 0179, Тбилиси | Грузия

Ответственное Лицо:
Феликс Хетт | Директор, FES Региональный Офис Южного Кавказа

Тел.: +995 32 225 07 28

<http://fes-caucasus.org/>

Для заказа публикаций:

stiftung@fesgeo.ge

Коммерческое использование публикаций Фридрих-Эберт-Штифтунга (FES), не допускается без письменного согласия FES.

Взгляды, выраженные в этой публикации, не обязательно относятся к мнению Фридрих-Эберт-Штифтунга или организации, для которой работает автор.